

Талантливый детектив

Марта Таро

ИГРЫ СКОРПИОНОВ

Марта Таро
Игры скорпионов
Серия «Галантный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24052753

Игры скорпионов: Вече; Москва; 2017

ISBN 978-5-4444-5755-9

Аннотация

1813 год. Русские войска освобождают Европу от наполеоновских армий, а в столице воюющей России фрейлину Орлову родня ставит перед очень неприятным фактом: в уезде, где живёт её юная племянница, бесследно пропадают девушки. Дочка учителя, купчиха, две мещанки, крепостная – у исчезнувших нет ничего общего, кроме возраста. Им всем – пятнадцать лет. Карты Таро говорят, что девушки мертвы, и теперь только сама Орлова может прервать череду страшных преступлений и разоблачить убийц.

Содержание

Глава первая. Игра	5
Глава вторая. Исчезнувшие	9
Глава третья. У водопада	20
Глава четвертая. Островские	35
Глава пятая. Умение делать выводы	45
Глава шестая. Тайные планы	55
Глава седьмая. Предупреждение	66
Глава восьмая. Праздник в Троицком	76
Глава девятая. Печальные новости	88
Глава десятая. Жертва игры	98
Глава одиннадцатая. Сафьяновый альбом	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Марта Таро

Игры скорпионов

© Таро М., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Глава первая. Игра

Курляндия.

Май, 1813 год

Как упоительна опасная Игра! Сколько в ней остроты и вдохновения! Женщина наслаждается всем: легчайшими оттенками, мельчайшими штрихами, почти что неразличимыми интонациями. Для неё драгоценен каждый миг, каждый взгляд и каждый вздох. О, Игра, ты и есть жизнь!..

Как прекрасен смуглый любовник! Пылающий от вожделения самец! Есть ли на этом свете хоть что-то более совершенное?.. Хотя почему только на этом? На том свете тоже кое-кто кусает себе локти, глядя на дивное воплощение греховного огня. Женщина вспоминает чёрные глаза и рыжие кудри соперницы, а потом смеётся от счастья. Победа досталась сильнейшей: она забрала себе всё и заняла лучшее место. Так теперь будет всегда...

– Ты – моя жизнь, – нежно шепчет женщина.

Она знает, что делает... Любовник играет, ублажая себя, и не ведает главного. Его игра остра, но она и близко не может сравниться с тем, во что играет женщина. Это её Игре нет равных по накалу и вдохновению.

Женщина следит за сменой чувств на лице мужчины. Пора! Сейчас они вместе сделают последний шаг, взойдут на победную вершину.

– Бери ее! Давай! – последнее слово женщина кричит, но мужчину не нужно подгонять, тот с проворством зверя кидается на распластанную юную самку. Он не просто груб, он жесток. Крики оглашают пропитанный жаром предбанник, отражаются от его проконопаченных стен. Какая же это музыка! Настоящий гимн – вершина Игры. А потом вдруг наступает тишина. Женщина давит в себе разочарование. Нечего вздыхать, в каждой игре – свои правила.

– Ну что, мой дорогой, понравилось?

Можно было и не спрашивать – женщина знает наизусть каждый вздох своего любовника. Его подёрнутые поволокой глаза означают, что подарок оценен, но в Игре есть свой ритуал, и вопрос обязателен. Ответ всегда один и тот же:

– Я тебя обожаю!..

Мужчина растягивается на лавке и закрывает глаза. Он сошёл со сцены, теперь пришёл черёд женщины. Она подходит к юной самке. Та, похоже, лишилась чувств – её голова свесилась с края стола, спутанные чёрные кудри закрывают лицо.

– Я помогу тебе, милая, – ласково говорит женщина, и в её голосе перекликаются томные, хриплые ноты.

Она откидывает волосы с лица жертвы. Белое как мел юное личико, сладкий запах растлѐнной невинности. Пятнадцать лет... Ей теперь всегда будет пятнадцать. Женщина вглядывается и замечает, как дёрнулись под закрытыми веками глазные яблоки. Детские хитрости! Кого это глупое со-

здание хочет обмануть?

– Открой глаза, – приказ звучит жёстко, – и не пытайся мне врать, а то пожалеешь!

Два обезумевших от страха голубых глаза немедленно открываются. Рабыня смотрит в лицо своей владычицы. Интересно, что она видит? Читает ли свою судьбу?

Женщина улыбается широкой, победной улыбкой и предлагает:

– Выпей! Это облегчит твою боль, ты сразу уснёшь, а встанешь уже свеженькой, как огурчик.

Женщина хватая жертву за подбородок и подносит к её губам склянку. Бедняжка делает один глоток, второй, потом начинает давиться и кашлять. Женщина помогает ей, поглаживая спину. Ласковый голос журчит, словно ручей по камням, успокаивает и утешает.

Девушка пьёт ещё и ещё – боль отступает, а потом совсем исчезает. Бедняжке уже кажется, что она вырвалась из ужасной бани, что идёт по берегу быстрой, прозрачной реки, что вокруг под порывами тёплого майского ветра сверкает серебром молоденькая листва, а лилово-розовые медуницы стелются под ноги живым ковром. Как же хорошо весной, как журчит вода и как пахнут цветы!..

Женщина переворачивает заснувшую жертву. Складывает тонкие руки на обнажённой груди, расчёсывает чёрные волосы, заплетает их в две косы и вкалывает в причёску несколько медуниц. Сердце женщины лопається от гордости.

Она опять выиграла! Это случилось сегодня и будет повторяться вновь и вновь. Она такой родилась: единственной и неповторимой. Так было, так есть и так будет всегда. Ведь жизнь принадлежит победителям!

Глава вторая. Исчезнувшие

Петербург.

Сентябрь, 1813 год

Ну что это за жизнь? Всё вокруг если не серое, то чёрное, как будто других красок в столице воюющей России уже и не осталось, и дело вовсе не в беспрестанном дожде, не в свинцовых тучах и не в аспидной воде поднявшейся Невы – просто воздух пронизан безнадежной тоской. По крайней мере, для одного человека дело обстояло именно так. Фрейлина вдовствующей императрицы Агата Андреевна Орлова всей кожей чувствовала, как разрастается где-то под сердцем чёрная тяжесть, как отравляет душу вселенская печаль.

Наимоднейшее английское слово «сплин» Орлова не принимала, а русская «хандра» выглядела слишком несерьёзно, чтобы описать нынешнее состояние души Агаты Андреевны. Возможно, что это и считалось слабостью, но после напряжения всех сил, которого требовала служба при императрице-матери (даме властной и настолько деятельной, что жизнь всех её помощников походила на сумасшедший бег белки в колесе) фрейлину время от времени накрывало отчаяние, а потом наваливалась тоска.

Страшась Наполеона, большая часть общества покинула столицу ещё в прошлом году. Тогда в Петербурге остались лишь царская семья, военные из расквартированных полков

да облечённые властью сановники. Светская жизнь замерла, а потом и вовсе прекратилась. Обе императрицы и великие княжны пропадали в госпиталях, отдавая на благие цели личные средства. Сам государь сначала чуть ли не ежедневно собирал Чрезвычайный комитет, пытаясь нащупать спасительную стратегию, а после побед Кутузова, выгнавшего к зиме французов обратно за Неман, присоединился к армии, оставив тыл на своего любимца Аракчеева, а царскую семью и двор – на «Железную матушку».

Как и все приближённые к императрице дамы, Орлова старалась по мере сил помогать раненым. Однако несчастных оказалось так много, а страдания их были так ужасны, что, как ни крепилась Агата Андреевна, не пропускать через себя боль страждущих она не могла. Это очень изнуряло, и приступы чёрной тоски случались всё чаще. Сочувствия Орлова не хотела, а жалость не переносила. Сегодня у фрейлины был как раз один из таких «тёмных» дней, и она потихоньку возилась с ранеными, стараясь не попадаться на глаза Марии Федоровне.

Посыльный из дворца разыскал Орлову в самой дальней палате.

– Вам письмо, – сообщил он и достал запечатанный красным сургучом конверт.

Орлова поблагодарила и сломала печать. Писала фрейлине кузина Полина. Родных у Агаты Андреевны осталось раздва и обчелся. Это отнюдь не выглядело преувеличением:

именно две кухни и составляли всю её родню. Младшая – Аннет Орлова-Чесменская покинула Москву перед самым приходом французов и уехала далеко на юг, а вот старшая – Полина, ставшая в замужестве графиней Брюс, – вместо того, чтобы сидеть в тихой и благополучной Курляндии вдруг прикатила в столицу, да ещё и дочь с собой прихватила. С чего бы это?

Орлова сразу же попросила у императрицы разрешения отлучиться. Мария Федоровна не только позволила, но и распорядилась предоставить фрейлине дворцовый экипаж.

«Странно и даже глупо, – размышляла Агата Андреевна, устроившись на бархатных подушках императорской кареты. – Чем сейчас можно заниматься в столице? Идти помогать в госпиталь и девочку за собой тащить? Сложно представить, чтобы Поля так уж рвалась в сёстры милосердия. Она всегда была до нельзя прагматичной. С чего бы вдруг ей так измениться, а самое главное: что значит эта странная просьба?»

В перемену характеров взрослых людей, равно как в их перевоспитание, прозрение, раскаяние и прочие метаморфозы Орлова не верила, поэтому и поспешила к кухне: ясно ведь, что случилось нечто чрезвычайное. Агата Андреевна нетерпеливо вглядывалась в забрызганное дождём оконное стекло: когда же наконец они свернут на набережную Фонтанки? Экипаж миновал Цепной мост, проехал ещё немного и остановился у крыльца трехэтажного доходного дома, где,

как явствовало из полученного письма, и поселилась кухня.

Подниматься наверх не пришлось: в расположенную на первом этаже квартиру Полины Брюс вёл отдельный вход. Агата Андреевна отдала свою тальму вышедшему навстречу лакею и поспешила в гостиную. Кухня – всё такая же румяная и круглолицая пышечка, как и десять лет назад, – радостно сверкнула крупными, в пол-лица, глазищами, издавала восторженный вопль и с завидной для столь рослой дамы прытью кинулась навстречу Орловой.

– Агаша! Слава богу, что ты смогла приехать! – вскричала Полина, сжимая фрейлину в объятиях. – Ты не представляешь, как я тебя ждала. Да, честно говоря, я и приехала сюда только ради тебя!

Полина была гораздо мощнее хрупкой и миниатюрной Орловой, а вот светло-русые волосы и тонкие черты голубоглазых лиц отражали семейное сходство двоюродных сестёр. Сейчас у Агаты Андреевны аж дух перехватило, так сжимала её Полина, и фрейлина поняла, что предчувствие не обмануло – ко всем тяжким проблемам нынешней жизни добавятся ещё и привезённые из Курляндии. Орлова поцеловала кухню и постаралась снизить накал страстей:

– Ты не волнуйся так, Поля. Что за переживания? На тебя это совсем не похоже...

– Да как же не переживать! – откликнулась графиня Брюс. Она потянула Орлову за собой на диван и сразу же заявила: – Агаша, только ты можешь мне помочь! Я привезла в столицу

Мими, хотя в нынешнем положении – это полная глупость, а всё потому, что побоялась оставаться в Григорьеве...

Полина так волновалась, так спешила с рассказом, что горло её перехватило и она зашлась в кашле. Похоже, дело было совсем плохо, раз обожавшая своё большое и богатое имение кузина больше не считала его безопасным местом для единственной дочери. Сколько же лет Мими? В последний раз Орлова видела её пятилетней девочкой, и было это лет десять назад. Значит, пятнадцать...

– Поля, ты расскажи мне всё по порядку, – попросила фрейлина. – Что случилось-то? Ведь вас даже Наполеон не тронул.

– Да, Бог миловал, французы мимо прошли. Но у нас такая беда, может, даже похлеще французов!

В военное время сложно было представить хоть что-нибудь хуже французов, и Орлова поторопила:

– Рассказывай!

– Так нечего же!.. Никто ничего не знает, не видел и не слышал, но в нашем уезде пропадают пятнадцатилетние девушки. Объяснений нет, но факт остаётся фактом: пять девушек ушли из дома и бесследно исчезли. Ты понимаешь, что Мими...

Полина не смогла закончить фразу – она боялась даже произнести вслух своё ужасное опасение. Теперь понятно, почему Брюсы примчались в столицу. Потерять единственную дочь – от такого кошмара любая мать сойдёт с ума, и

Орлова стала выяснять подробности:

– Ты сказала, что девушек было пять. Они одновременно пропали?

– Да в том-то и дело, что пропадают они поодиночке, начиная с мая. Сначала исчезла одна, и тогда все подумали, что это случайность. Вторая пропала через месяц, потом ещё одна, а между исчезновением двух последних прошла всего неделя! Полиция признала свою полную неспособность хоть что-нибудь сделать, и уездный исправник предложил нам самим оберегать своих дочерей.

– Не части, Поля, давай поподробнее, – попросила Орлова. – Кто родители пропавших?

– Совершенно разные люди! Первой исчезла дочь в семье учителя гимназии, потом – дочка лавочника, в соседнем имении хватились дворовой девушки, а потом пропали две мещанки из нашего городка.

Картина и впрямь получалась слишком пёстрой, Агата Андреевна в душе очень посочувствовала уездной полиции. Такие разные жертвы, скорее всего, они даже никогда не встречались друг с другом. На всякий случай Орлова спросила:

– Пропавшие были знакомы?

– Все говорят, что нет! По крайней мере, так заявили полиции родители. Девушки считались скромными и, как могли, помогали семье.

– А почему их родителям понадобилась помощь? Они что

бедствовали?

– Я не знаю, – растерялась Полина. – Я повторяю слова исправника. Он так сказал, а я и поверила.

– Возможно, он хотел подчеркнуть, что девушки – домашние, не склонные к гулянью, но не исключена и вероятность, что он говорил именно о нужде. Тогда преданных семье дочерей легко заманить, пообещав помощь или небольшой заработок.

Полина от волнения закусила губу и тихо спросила:

– Агаша, ты привезла то, о чём я просила?

Еще бы! Как можно было не откликнуться на изложенный в письме отчаянный призыв? Впервые в жизни графиня Брюс попросила у фрейлины Орловой погадать на картах Таро, хотя до сегодняшнего дня боялась этого, как чумы. Агата Андреевна достала из ридикюля сафьяновый футляр и вынула из него колоду крупных – размером с ладонь – необычных карт.

– Ты осмелишься задать вопрос? – спросила Орлова.

– Да...

– Ну, раз так, то пододвинься поближе.

Фрейлина пересела за большой круглый стол, разогнала ладонями крохотные морщинки на бархатной скатерти и принялась тасовать колоду. Время от времени Агата Андреевна переворачивала карты, как будто крутила. Графиня Брюс замерла рядом.

– Ты помнишь имена пропавших? – спросила Орлова и

подсказала: – На всех сразу мы гадать не сможем.

– Дочку учителя звали Леей, а последнюю пропавшую – как мою Мими.

– Давай с неё и начнем. Спрашивай!

Орлова выложила на середину стола карту со златовласой девой. Полина молчала.

– Задавай вопрос, – поторопила фрейлина.

– Что случилось с юной Марией, пропавшей в прошлом месяце под Митавой? – Голос Полины дрожал от волнения.

Агата Андреевна разложила карты замысловатым крестом, а следом принялась открывать их. На первой же карте фрейлина вздрогнула.

– Что? – испугалась Полина. – Не скрывай от меня ничего!

Но Орлова молча переворачивала карты, пока не раскрыла их все, и лишь тогда заговорила:

– Всё очень плохо: девушка умерла. Видишь, итоговой легла карта «Смерть». Это непоправимо. Бедняжка прошла через муки, а виноват в этом злодей-мужчина – вот он с мечом в руках. Но очевидно, что тот не сам решился на такое душегубство. Корень всех бед – в беспощадной даме. Посмотри сама: негодяем управляет Королева мечей, она бессердечна и злопамятна, к тому же все карты вокруг этой пары намекают на болезнь.

– Но кто это такие?

– Пока не знаю...

Даже когда по просьбе императрицы-матери Орлова гада-

ла на судьбу военной кампании, такие страшные карты не выпадали. Надо было перепроверить всё ещё раз, прежде чем выдавать такие сведения Полине.

– Давай погадаем на Лею, – предложила Агата Андреевна.

Она тщательнейшим образом перемешала колоду, заставила кузину снять её, разложила карты по трём стопкам, собрала их вновь и лишь потом разрешила задать вопрос.

– Что произошло в мае в окрестностях Митавы с девушкой Леей, – уже спокойнее, чем в первый раз, произнесла Полина.

Фрейлина разложила карты и стала переворачивать их. В раскладе вновь царили мечи: всё тот же беспощадный злодей и жестокосердная дама открылись практически сразу, а опять последней, как и в прошлый раз, легла карта с белым скелетом.

– И Лея тоже?! – охнула графиня. Она указала пальцем на карту, венчающую расклад. – Это ведь означает смерть?

– Да...

Орлова знала, что больше гадать не станет: даже её случившееся ужаснуло, что уж говорить о Полине. Хватит с них на сегодня мистических подсказок, надо искать и проверять земные факты!

– Давай сделаем так: ты сядешь и запишешь всех, кого сможешь вспомнить, – предложила Агата Андреевна. – Включай в список всех, кто только придёт на ум: помещиков, купцов, чиновников, мещан, да и о крепостных поду-

май. Мне кажется, что женщина, имеющая такую власть над злодеем, скорее всего – его мать. Ищи семью, где есть взрослый сын и жестокая мамаша. Возможно, что ты вспомнишь о каких-то странностях или о необычных событиях в жизни этих людей. Нам нужно искать зацепку в их поведении. Карты говорят о болезни. Это может быть физическое увечье или безумие. Напиши в уезд всем своим знакомым, может, они что-нибудь вспомнят.

– И писать незачем. Ты думаешь, что я одна такая трусиха? – отозвалась Полина. – Все уже здесь, а кто не приехал, так скоро появится. Я сама хорошенько подумаю и соседей заставлю. Мы всё напишем, а потом я покажу эти списки тебе. Ты ведь меня не бросишь, Агаша?

Орлова ободряюще улыбнулась:

– Ни в коем случае! Только я не смогу часто отлучаться, и тебе придётся самой ко мне во дворец ездить. Лучше всего по вечерам: теперь ни балов, ни приёмов не бывает, императрица-мать так устает за день, что уже в восемь часов всех нас отпускает.

Полина пообещала, что приедет. Её настроение заметно улучшилось, и сёстры все-таки смогли закончить разговор на доброй ноте. На обратном пути во дворец фрейлина вдруг поняла, что от её чёрной меланхолии не осталось и следа. Кузина притащила с собой тяжкие проблемы, но она же и попросила о помощи. Графине Брюс нужно было сказать «спасибо». Пусть курляндские загадки окажутся жуткими и

неразрешимыми, но это всё выяснится потом, зато сейчас они пришлись как нельзя кстати. Благодаря новой заботе Орлова вырвалась на свободу из серой клетки неизъяснимой тоски.

Глава третья. У водопада

Южнорусская губерния.

Сентябрь 1813 год

Долли Черкасская выбрала свободу. А почему бы и нет? Мужчины могут заниматься любимым делом, а ей нельзя? Мятёжные мысли давно посещали Долли, но лишь сегодня она решилась:

«Больше не отступлю, и не мытьём, так катаньём, но своего добьюсь».

Предстоящая битва ожидалась нелегкой. Тётка была крепким орешком, а о брате и говорить не стоило. Скала. Но ничего не попишешь, придётся их убеждать. От этих двоих теперь зависело исполнение мечты Долли, а значит, и её счастье.

Ей только-только исполнилось десять, когда на охоте погиб отец, а следом умерла нежная и хрупкая мама. Тогда, семь лет назад, бабушка забрала четырёх осиротевших княжон Черкасских и привезла их в Ратманово – своё огромное имение на юге России.

– Здесь вам будет хорошо, – пообещала Анастасия Илларионовна. И девочки поверили.

Бабушка любила это поместье больше всех других и всю жизнь его обустроивала. Многолетние старания княгини принесли прекрасные плоды, превратив имение в настоящее

чудо. Большой барский дом, а вернее дворец, гордой короной венчал ровнейший насыпной холм. Мраморная колоннада, высокие окна и купол украшали фасад главного дома. Боковые флигели обрамляли большой двор с фонтаном, а пёстрые цветники террасами спускались вдоль липовых аллей к пруду, где брал начало свободный английский парк.

Слова старой княгини оказались пророческими, и впрямь, пока княжны жили в Ратманове, всё было хорошо. Даже горе здесь переносилось легче. Так случилось, когда умерла бабушка. Но с девочками оставался старший брат Алексей, а потом приехала помогать графиня Апраксина, в память о покойной кузине решившая вырастить её внучек. Тогда, сплотившись, сёстры пережили новое горе, а тёплое и такое надёжное Ратманово помогло им, открыв дорогу в безмятежную юность.

Тем катастрофичнее оказалось известие о смерти брата. Алексей погиб под Москвой. Новость привёз в дом дядя – брат отца, светлейший князь Василий Черкасский. Девочки никогда его особо не жаловали – слишком уж дядя был холоден и хмур, но то, как он повёл себя теперь, стало для княжон настоящим ударом.

Объявив себя наследником имущества и опекуном племянниц, князь Василий сообщил, что нашёл жениха для старшей из сестёр – Елены. Его не смутило даже то, что претендент на руку восемнадцатилетней княжны уже трижды овдовел и годился невесте в деды. Когда же Елена возмути-

лась и отказалась от такого брака, дядя зверски избил её каменной кочергой, и забил бы насмерть, если бы не старая няня, закрывшая Елену своим телом. Предназначенным племяннице ужасным ударом изверг убил старушку.

К счастью для княжон, тётушка Апраксина и старшая сестра накануне заперли их в спальнях, объявив больными. Ни Долли, ни её младшие сёстры Лиза и Ольга не видели этого кошмара. Вечером, собрав всех девочек вместе, тётка сообщила им то, что сочла возможным:

– Мои дорогие, наша Элен сильно избита, а няни больше нет...

Шестнадцатилетняя Долли всегда обожала старшую сестру, и хотя Елена откровенно всеми командовала, большим злом это не считала. Бывало, конечно, что из духа противоречия Долли и восставала против диктата, но теперь, не рассуждая, встала на защиту Елены:

– Я убью дядю, он просто так не отделается!

Брат уже давно научил Долли не только фехтовать, но и стрелять. Однако Алексею и в страшном сне не могло придеться, что придёт такой день, когда Долли понадобится её умение. Княжна пробралась в оружейную и сняла с крюка любимую короткую шпагу брата. Тётя уже объявила, что князя Василия в доме нет, он уехал в соседнее имение, и Долли ничего не оставалось, как дожидаться возвращения убийцы в Ратманово.

«Встречу гада на крыльце и заколю его», – решила княж-

на.

Но у неё ничего не вышло. Ещё солнце не встало над горизонтом, когда старая графиня разбудила своих питомиц и сообщила, что они переезжают в другое имение. Тогда же девушки узнали, что Елена уже покинула дом, пообещав добраться до столицы. Она надеялась добиться встречи с императором Александром и потребовать у него наказания для убийцы, а для своих сестёр – защиты.

Как ни упиралась Долли, отказываясь уезжать, старая графиня взяла её за руку и вывела из спальни. Пришлось княжне сдаться, но зато она выторговала у тётки поблажку – разрешение забрать с собой оружие брата и своё главное сокровище: любимого коня Лиса.

– Ради бога, Долли, делай, что хочешь, только поехали, – взмолилась вконец измученная тётка и вздохнула с облегчением, лишь усадив княжну в экипаж.

В Отрадное, имение Марьи Ивановны Опекушиной – подруги юности старой графини, они пробирались проселками. К счастью, если князь Василий и послал за беглянками погоню, то напасть на их след не смог, и они прибыли к Опекушиной испуганные и уставшие, но целые и невредимые. Одинокая старая дама безмерно обрадовалась приезду подруги и её воспитанниц и сразу же предложила им оставаться сколь угодно долго, хоть и навсегда.

Постепенно Долли привыкла к Отрадному, а воспоминания об родном Ратманове стали не столь болезненными, од-

но оказалось плохо: княжна так и не смогла отомстить. Впрочем, теперь это казалось лишь вопросом времени и, ускакав подальше от дома на верном своём Лисе, Долли вынимала из ножен шпагу брата и отрабатывала удары. Надо ли говорить, кого она представляла своим противником?

Никто этого не ждал, да, видно, судьба смилостивилась над Черкасскими, и в Отрадное пришла весть, что брат Алексей не погиб, а был всего лишь тяжело ранен. Вернувшись в строй, он восстановил и все свои права. Бедная Евдокия Михайловна плакала от счастья, и лишь теперь повзрослевшая Долли поняла, какой груз лежал на плечах уже молодой тётки и как та рисковала, похитив княжон у ненавистного опекуна.

Все засобирались обратно, Апраксина упросила подружку поехать с ними в Ратманово и побыть там с девочками. Сама же графиня хотела отправиться на поиски Елены. Опекушина с радостью согласилась, и обе старушки, три княжны и красавец Лис отправились в обратный путь. Наконец-то Долли вновь поднялась на широкое крыльцо Ратманова, погладила волшебной гладкий мрамор колонн и чуть слышно сказала:

– Слава богу, мы – дома, и теперь всё будет хорошо! – Она всей душой верила, что так и получится.

Оставив княжон на попечение подружки, графиня Апраксина уехала. Новая опекунша по доброте душевной позволяла княжнам делать всё, что они захотят, и Долли целыми

днями носилась по полям и рощам на своём рыжем Лисе. Сегодняшнее утро не стало исключением: княжна выехала из дома и сейчас летела по узенькой, плотно утоптанной дорожке между уже убранными полями. Долли так радовалась жизни и своим упоительным мечтам, а больше всего принятому сегодня «окончательному» решению, и ей казалось, что этого восторга хватит на целый мир. Она обязательно уговорит тётку и брата, они всё поймут и больше не будут чинить препятствия. И тогда мечта Долли исполнится, а новая жизнь окажется замечательной и интересной.

– Я обязательно стану счастливой! – крикнула Долли в необъятный простор золотистых полей и от радости засмеялась.

Пропетляв по полям, дорога нырнула под зелёный шатёр дубовой рощи. Это уже считалось границей имения. Сразу за лесом начиналась земля барона Тальзита – близкого друга семьи, крёстного самой Долли и младшей из её сестёр Ольги. Но сегодня княжна к нему в гости не собиралась, она задумала доскакать до своего самого любимого места – неглубокого оврага, где среди гранитных глыб били ледяные ключи, а вода бежала вниз по камням, рассыпаясь живописным водопадом. В овраге бесчисленные струйки стекались в ручеёк, впадавший в местную речку под названием Усожа. Через ручей был перекинут старинный бревенчатый мост. Долли любила скакать по его тесовому настилу. Под копытами Лиса мост гремел, словно огромный барабан.

Дорога развернулась крутым зигзагом. Вот и овраг... Долли увидела мост и свой водопад, но, похоже, на этот раз нашлись и другие желающие полюбоваться столь романтической картиной. Заняв её любимое место – плоскую площадку у подмытых корней большого дуба – рядом с мольбертом стоял высокий брюнет. Он был так увлечён рисованием, что даже не повернул голову в сторону всадницы. Долли натянула поводья и остановила Лиса. Она не знала художника, а накрепко вбитые ей в голову правила приличия исключали общение с незнакомцем. Но любопытство...

«Я не стану слезать с коня, – тут же сообразила Долли, – а лишь посмотрю издали...»

Она кашлянула, художник обернулся, и тут же стало понятно, что не стоило идти на поводу у любопытства. Незнакомец оказался высоким, смуглым и картинно ярким. Крупные тёмные глаза и тонкие черты, алый, изящно вырезанный рот были очень хороши, впечатление портил лишь острый, как клинок, взгляд. Волк! Долли даже вздрогнула, но незнакомец вдруг улыбнулся, взгляд его потеплел, и ощущение опасности исчезло. Художник поклонился и сказал:

– Сударыня, простите, я не слышал, как вы подъехали. Позвольте представиться. Меня зовут Лаврентий Островский. Я недавно унаследовал имение Афанасьёво, а сейчас нахожусь здесь в отпуске по ранению, и вот – пытаюсь рисовать.

Долли засомневалась, прилично ли знакомиться с новым

соседом в лесу, но, с другой стороны, не бежать же от него сломя голову. Пришлось ограничиться обычной любезностью:

– Вы выбрали самое красивое место во всей округе. Это земля моего брата – светлейшего князя Черкасского, но, я думаю, Алексей не станет возражать против вашего присутствия.

– Благодарю. – Новый знакомый подошёл ближе и сердечно улыбнулся. – Может, вы позволите мне узнать и ваше имя?

– Дарья Николаевна, – после паузы сообщила Долли.

– А вы не хотите посмотреть, что у меня получилось?

Долли смутилась:

– Разве вы уже закончили? – Она колебалась: стоит ли подходить к мольберту? А что потом? Однако, поняв, что выглядит в глазах мужчины трусихой, княжна гордо вскинула голову, вложила свою руку в ладонь художника и спрыгнула с коня.

Долли прошла к мольберту и взглянула на холст. Способности у Островского явно имелись: перспективу он схватил верно, все детали выписал очень тщательно. Но картина не ожила: в ней не было ни прелести летнего утра, ни ощущения волшебной красоты этого места. В ней просто не хватало жизни! Впрочем, обижать художника столь нелестной правдой не хотелось, и Долли высказалась дипломатично:

– Похоже...

– Вы очень добры, Дарья Николаевна, но я и сам знаю, что пейзажи, а тем более маслом, не самая сильная моя сторона, моя стихия – акварельные портреты цветов. Знаете, ведь у каждого цветка есть своя душа, и когда пишешь его портрет, очень важно это уловить.

Долли чувствовала себя неловко, но художник улыбался так добродушно, а мысли его оказались столь занимательны, что, забыв о приличиях, она вступила в разговор:

– Я никогда не думала о цветах с этой точки зрения, я просто их люблю, но теперь вы заставили меня взглянуть иначе. Что ж, попробую увидеть в цветах душу.

– У вас обязательно получится, – обнадежил её художник, и в его глазах вспыхнули огоньки. – Мне кажется, что душа каждого цветка имеет свою половинку, нарисовав, я начинаю искать её в жизни.

– Не понимаю, – удивилась Долли, мысль собеседника показалась ей странной. – Зачем искать вторую половину, если цветов хорош сам по себе?

– Чем сложнее загадка, тем большее удовольствие приносит разгадка. Вы разве не замечали?

Долли не любила загадок, поэтому сразу же заскучала. Она кивнула новому знакомому и направилась к Лису, послушно ожидавшему хозяйку на дороге.

– Сударыня, я чувствую, что так и не смог донести до вас свою мысль. Мой язык слишком скуден. Но, может, вы согласитесь взглянуть на мои акварели? – Художник шёл сле-

дом. – Я бы завтра привез их сюда...

Долли стало стыдно: похоже, что она нагрубила человеку, не сделавшему ей ничего плохого. Пришлось исправлять оплошность.

– Хорошо, я посмотрю ваши работы, привозите их завтра в это же время.

Княжна подвела Лиса к упавшему дереву, с него легко вскочила в седло и поскакала через мост. Ещё четверть часа – и она выехала на широкую дорогу. Начиналось то, что Долли любила больше всего на свете, – безумные скачки на чистокровном английском верховом. Княжна прошептала в бархатное ухо Лиса просьбу поспешить. Её любимец прибавил ходу, и Долли пригнулась к его гриве, подставив лицо ветру. Маленькая шляпка с пером почти сразу слетела и теперь болталась на лентах за спиной. Густые кудрявые пряди цвета красного дерева стали одна за другой вылетать из причёски, и скоро все локоны развевались по ветру, как знамя.

Долли взлетела на высокий холм, отсюда, как на ладони, виднелось раскинувшееся на берегах Усожи центральное село имения. Над хатами возвышались колокольня и голубые купола церкви, туда-то княжна и направила коня – она собиралась встретиться с подругой. Учитель Морозов, приглашённый в Ратманово ещё покойной княгиней, чтобы обновить только что отстроенную школу, так и остался в имении вместе со всем своим многочисленным семейством. Долли дружила с младшей из его дочерей – своей тёзкой Дашей.

Лис на полном ходу влетел в село. Сады здесь ломились от наливных яблок и чёрно-лиловых слив, и ватаги ребятишек уже с неделю кочевали между дворами. У дома учителя тоже выстроилось с десятков перемазанных липким соком мальчишек, их громко отчитывала высокая и худая, как жердь, барышня в платье с оборками. Русая девушка лет пятнадцати застыла на крыльце, скептически поглядывая на старшую сестру.

«Опять Катрин занесло», – с раздражением поняла Долли.

«Жердь» звалась Екатериной Морозовой. Князь Алексей выделил обеим дочерям учителя приданое – по тысяче рублей серебром каждой – и уже передал эти деньги их отцу. Этот факт получил намеренную огласку, и у Катрин появились претенденты на руку и сердце. Эта девица никогда не отличалась особым умом, а эгоизма и занудства в ней было хоть отбавляй, так что, заимев приданое, Катрин совсем возгордилась и стала просто невыносимой.

Долли остановила Лиса у крыльца, спрыгнула с коня и спросила у своей подружки:

– Ну что, опять Катрин морали читает?

– Слив ей жалко – всё равно большая часть свиньям пойдёт, урожай в этом году такой, что сахару не напасёшься варенье варить. Пусть бы дети ели, да только вместе с нашими братьями ещё и крестьянские ребятишки пришли, а это принцессе уже не по нраву, – прошептала Даша.

– Ладно, постараюсь закончить избиение младенцев, –

прошептала Долли и, как будто задумав перевести Лиса в тень, взяла коня под уздцы и прошла между сердитой барышней и мальчишками.

– Боже, Катрин, как ты неосторожна! – воскликнула княжна, замерев рядом со старшей дочкой учителя. – Ты же стоишь на самом солнцепёке! При твоей нежной коже это очень опасно, по-моему, у тебя уже нос покраснел.

– Правда? – ужаснулась Катрин и ринулась в дом.

– Ловко ты её спровадила, – со смехом оценила Даша и предложила: – Пойдём в сад. Можно искупаться, а Лиса поручим Петьке, он его и напоит, и оботрёт.

– Давай зови Петьку, – согласилась княжна.

Десятилетнего Петьку искать не пришлось, тот уже и сам бежал им навстречу, предвкушая возможность поухаживать за Лисом, которого боготворил. Долли передала мальчишке повод и догнала подругу в глубине сбегającego к реке сада. У самого забора братья сколотили для Даши купальню. Длинные мостки заканчивались небольшим домиком, внутри его вдоль стен были прибиты две широкие лавки, а посередине спускалась под воду лесенка с перилами.

Девушки вошли в купальню и стали раздеваться. Долли сняла короткий жакет и кофточку, длиннохвостую юбку амазонки помогла ей стянуть Даша.

– Ты выглядишь как разбойница: голая, но в сапогах, – засмеялась дочка учителя, кивнув на короткие сафьяновые сапожки княжны.

– Не только выгляжу, я – и в самом деле разбойница, – объявила Долли и вытащила из-за голенища правого сапога короткий охотничий нож. – Ты знаешь мою любовь к оружию, но не могу же я пристегнуть к амазонке шпагу, еще сумасшедшей сочтут.

Пока Даша раздевалась, княжна завязала волосы узлом и вошла в прохладную воду, ещё шаг – и ноги почувствовали на песчаное дно. Глубина здесь была по шею, и Долли, пройдя меж сваями купальни, выплыла на простор реки.

– Ты с ума сошла, нас же увидят! – крикнула ей вслед Даша.

– Не увидят, я быстро...

Долли опустила лицо в воду и, резко выбрасывая руки, стремительно поплыла к середине реки, а потом повернула по течению. Даша смотрела на старшую подругу сквозь свои купальни, сама она не решилась высунуть нос из своего убежища. Наконец княжна вернулась обратно.

– Как же ты хорошо плаваешь, – восхитилась Даша, – как мужчина!

– Мне и нужно было родиться мужчиной – характер мой ты знаешь.

– Ничего себе мужчина! – расхохоталась Даша, бросив выразительный взгляд на отнюдь не маленькую грудь княжны. – Да и лицо у тебя – как у ангела.

– Ну уж скажешь...

Долли стала одеваться, а её подруга, желая быть справед-

ливой, вновь окинула княжну взглядом. Долли была высокой и тоненькой, но отнюдь не худой. Длинные стройные ноги легко и стремительно несли изящное тело, а лицо... оно просто притягивало взгляд: яркие зелёные глаза, летящие, как крылья ласточки, тонкие брови. Рот, наверное, слишком крупный, но всё равно, ни одна красавица с крошечным ртом-бантиком Долли и в подмётки не годилась. В одном княжна была права – на ангела она походила мало, но Даша не хотела больше спорить, тем более что Долли заговорила о деле:

– Я приехала сказать, что тётя Опекушина согласилась учить тебя играть на фортепьяно. Можешь приходить каждое утро к одиннадцати. Она будет заниматься с тобой по часу. Когда ты закончишь урок, я как раз приеду с прогулки.

– Правда?! Вот спасибо! – обрадовалась Даша.

– Хорошо, что ты станешь бывать у нас каждый день, Лиза тоже обрадуется. – Вспомнив сестру, Долли нахмурилась. – Ты мне должна кое в чём помочь. Это началось ещё Отрадном: Лиза сделалась какой-то гадалкой. Прикоснётся к человеку рукой, а потом говорит мне, что у него за характер, какие тайные мысли и грехи. Я не знаю, как к этому относиться. Не хочу верить – вернее сказать, не могу, – а сестра обижается. Мы с ней договорились тёте об этих видениях пока не рассказывать, но я хочу, чтобы за Лизой понаблюдала ты. Посмотри и скажи, что думаешь.

– Хорошо, я сделаю, как ты хочешь, – пообещала Даша, –

но я тебе сразу скажу, что Лиза ни разу в жизни не соврала и раз она что-то говорит, значит, сама в это верит.

Долли лишь пожала плечами. Они подошли к воротам, там счастливый Петька расчёсывал гриву коня.

– Я Лиза напоил и в реке искупал, – с гордостью сообщил мальчишка.

– Молодчина! – похвалила Долли.

Даша открыла ворота, княжна взобралась в седло. Темно-рыжий красавец конь с места перешёл в галоп, пересёк площадь и пронёсся по сельским улицам. Еще четверть часа, и он, миновав парк, взлетел на холм – к мраморной колоннаде ратмановского дворца. Ну вот и дом...

Глава четвертая. Островские

Островский прыгнул с коня у крыльца старого деревянного дома, громко именуемого в Афанасьеве «барским». Два месяца назад Лаврентий получил это именье в наследство от очень дальнего родственника и с тех пор не уставал благодарить судьбу: у него вновь появилась крыша над головой. Впрочем, только это и было хорошей новостью, всё остальное оставляло желать лучшего: к Афанасьеву было приписано всего тридцать душ крепостных, хозяйство оказалось запущено, дом разворован, а мошенник-управляющий, споивший несчастного троюродного дядю, исчез вместе с остатками денег. Единственное, что обнадеживало, так это благословенный климат здешней губернии и чёрная плодородная земля. Поместье при умелом управлении вполне могло бы стать доходным. Требовались лишь деньги на восстановление, но их-то как раз и не было.

Лаврентий в очередной раз помянул недобрым словом своего папашу, просадившего за карточным столом целое состояние. Наверное, проще всего было продать Афанасьеву, а деньги прожить... Но что потом?

«Ну почему это случилось со мной? – пожалел себя Островский. – Другие живут спокойно, а мне вечно не везёт».

Лаврентий происходил из старинного, но не слишком богатого дворянского рода. Поместье его отца хоть и считалось

большим, но дохода давало немного, впрочем, это не помешало Валерьяну Островскому взять в жены самую богатую невесту в округе. О красавице Марианне ходили не слишком лестные слухи: о ней шептались, что барышня не брезгает по ночам вызывать к себе в спальню богатыря-конюха. Но Валериана это не остановило, ведь за Марианной давали хорошие деньги. Отец невесты был рад сбыть с рук засидевшуюся дочку и настоял на скорейшей свадьбе.

На удивление всем, молодые поладили, и, хотя Марианна, родив наследника, отказалась иметь других детей, страсть её к мужу сделалась лишь сильнее. Когда единственному сыну счастливой четы исполнилось пять, отец Марианны скоропостижно скончался, оставив после себя большое наследство и незамужнюю пятнадцатилетнюю дочь Иларию, которую старшей сестре пришлось взять на воспитание. Сёстры оказались очень похожи: высокие, пышнотелые, с густыми ярко-рыжими волосами и белой, почти прозрачной кожей в мелких золотистых веснушках. Хороши они были невероятно. Когда сёстры стояли рядом, просто не верилось, что между ними почти десять лет разницы в возрасте.

Илария в новом доме сначала дичилась, но потом освоилась, а к своему маленькому племяннику даже привязалась. Вот только счастье её в новой семье оказалось недолгим. Той же зимой Марианна простудилась и слегла. Илария не отходила от постели сестры, выхаживая её, но все усилия оказались тщетны: три недели спустя Марианна скончалась.

Валериан впал в такое отчаяние, что даже попытался застрелиться. Однако храбрости нажать на курок у него не хватило, и пришлось ему глушить горе старым проверенным способом – не расставаясь со стаканом. Ну а с пьяной головы чего не натворишь? Однажды утром Валерьян проснулся в постели Иларии. Подробностей он не помнил, но выбирать уже было не из чего.

– Завтра обвенчаемся, – пообещал он.

Валериан женился на свояченице, получив вместе с ней всё состояние покойного тестя. Это Островского обрадовало, а приятное открытие, что вторая жена не уступает первой по силе страсти, окончательно утешило. Впрочем, имелось одно «но»: Илария оказалась бесплодной, и Лаврентий остался в семье единственным ребенком. Но тётка-мачеха искренне любила мальчика и баловала его, как могла.

Десять лет спустя, когда Валериану стукнуло пятьдесят, а Иларии было всего двадцать шесть лет, она вдруг осознала, что муж уже не тот и она всё чаще остается по ночам одна. Начав предъявлять претензии, женщина сделала только хуже – самолюбивый Валериан вообще перестал заходить в спальню, а вместо этого напивался до бесчувствия в кабинете.

Понимала ли Илария, что делает, или зов плоти стал невыносимым? Кто знает... Но однажды, когда муж в очередной раз заснул на полу в кабинете, она пришла в спальню к шестнадцатилетнему пасынку. Обняв юношу, Илария сказа-

ла, что хочет научить его общению с женщинами. Она отдалась Лаврентию, и тот с первой же ночи сделался её рабом. Дальше – больше. Обучив юношу самым изысканным ласкам, женщина успокоилась и подобрела. Теперь она проводила с Лаврентием почти всё ночи.

– Я тебя обожаю, в тебе вся моя жизнь, – шептала Илария, и это была чистая правда.

Илария больше не обращала внимания на мужа и считала, что Валерьян всё знает и молчит. Но она ошибалась. Однажды не ко времени протрезвевший Островский-старший, не найдя ночью жену в супружеской спальне, пошёл искать её по дому и обнаружил в постели сына. Валерьян взбеленился так, что попытался застрелить обоих. Лаврентий выскочил от него в окно, а Илария, получив хорошую трёпку, на время затаилась.

С домашними Островский-старший разобрался жёстко: определив сына в кадетский корпус, жену запер дома и перестал с ней разговаривать. Правда, Валериан скоро утешился, найдя себе новую страсть – игру, и теперь пропадал в уездном городе, пуская наследство тестя и приданое обеих своих жён на ветер. Сидя одна в поместье и не находя выхода своим страстям, Илария приблизила к себе новую служанку Анфису. Эта здоровенная баба терпеть не могла мужчин, зато с женщинами вела себя необычайно ласково. Илария полюбила ходить с Анфисой в баню и там подставлять её ловким рукам своё изнывающее тело.

Лаврентий после кадетского корпуса пошёл служить и страстно надеялся стать героем, а затем получить отцовское прощение. Валерьян сыну не писал, зато Илария засыпала пасынка письмами и, читая эти полные страсти и откровенных намёков послания, Лаврентий чувствовал, что никогда уже не сможет выйти из-под власти мачехи. Получив ранение под Малоярославцем, он почти три месяца провалялся в госпитале с простреленным боком, но, слава богу, выздоровел, получил за храбрость орден Святого Георгия и отправился в бессрочный отпуск по ранению с разрешением вернуться в полк «при полном восстановлении сил».

Решив, что отец наконец-то простит и примет сына-героя, Лаврентий поспешил домой, но, приехав в имение, застал Валерьяна при смерти. Оказывается, неделю назад Островский-старший проиграл последнее, что у него оставалось, – поместье, с горя напился и, забыв шубу, пошёл в мороз пешком, поскольку коня он тоже проиграл. Войдя утром в гостиную, Валерьян без чувств рухнул к ногам жены. С тех пор он в себя уже не приходил. На следующий день после приезда сына Островский-старший умер, а его кредиторы прислали письмо с соболезнованиями и предложением освободить имение.

– Что же нам теперь делать? – спросил Лаврентий у одетой в чёрное мачехи.

Илария подняла на него безмятежные глаза и, пожав плечами, улыбнулась. Она, как всегда, витала в облаках. Жен-

щина обезумела от счастья, вернув своего дорогого мальчика. Казалось, её не волнует ни то, что она только что похоронила мужа, ни то, что они всё потеряли и не имели теперь даже крыши над головой. Илария так жаждала любви своего «малыша» и не могла понять, почему тот чем-то озабочен.

– Поступай как знаешь, мой дорогой, – обронила она.

Пришлось Лаврентию отдуваться в одиночку. Наверное, ему следовало бросить Иларию, а самому вернуться в полк. Кто знает, может, его судьба сложилась бы тогда иначе, но Лаврентий не смог разрубить тягостные узы. Впрочем, у Иларии ещё кое-что оставалось – она вместе с Анфисой переселилась на маленький хутор в десяти верстах от прежнего имения, отец перед смертью записал его на имя младшей дочери, о чём Валерьян так и не узнал.

Уладив дела с кредиторами, Лаврентий получил оставшиеся крохи наследства и переехал к мачехе. Офицерской пенсии по ранению еле хватало на жизнь, но он даже и не пробовал искать службу. Мысль поступить так, как сделал отец, дважды женившийся на богатых, прочно засела в голове Лаврентия. Только вот никого подходящего на роль невесты в округе не просматривалось, да и папашины выкрутасы сильно подпортили репутацию семьи Островских.

Вот тогда-то Лаврентию хоть немного, но повезло: он получил письмо от поверенного своего почившего троюродного дяди с сообщением о наследстве. Маленькое имение показалось тогда спасением, да и теперь, прожив здесь два месяца,

ца, Островский не изменил своего мнения, но срочно требовались деньги. Лаврентий окончательно дозрел до выгодной женитьбы. Встреченная им сегодня девушка, судя по всему, была из богатых. Хорошо бы продолжить знакомство, а там, глядишь, и зацепиться за престижное семейство. Но как сказать о своих планах Иларию?

«Главное, чтобы новая знакомая сдержала обещание, – рассуждал Лаврентий. – Если она приедет, значит, дело может выгореть. Вот тогда и нужно подумать, что делать с Иларией. В конце концов, можно снять ей квартиру в уездном городе или ещё дальше – в губернской столице. Отправить обеих рыжих с глаз долой. Дать Анфисе пару монет, чтобы поусерднее ублажала Иларию...»

План Островскому нравился, теперь осталось добиться главного, чтобы «богатая невеста» не подвела и, как обещала, приехала в рощу.

Долли знала, что в рощу ей ехать не стоит, но гордость не позволяла изменить данному слову. Обещала – значит, сделай. Так всегда говорила бабушка, так учил дочерей отец. И Долли решилась... Водопад встретил её привычным глухим рокотом и застывшей над струями маленькой радугой. На мгновение княжне показалось, что художника здесь нет, и она вздохнула свободно, но тут же поняла, что Островский ждёт, устроившись на корнях дуба. Он шагнул навстречу, зажав в руке небольшой альбом в сером картонном переплете.

– Доброе утро, Дарья Николаевна!

Долли постаралась ответить как можно любезнее и направила Лиса к поваленному дереву, где, спрыгнув на корень, спустилась на землю. Художник пошёл за ней.

– Спасибо, что приехали, мне так хотелось, чтобы вы посмотрели мои работы, я думаю, что они гораздо лучше вчерашней, – сказал он и протянул альбом.

Долли открыла затёртую обложку. Ей показалось, что часть листов аккуратно вырезана, а на тех, что остались, были виртуозно, с точнейшей передачей оттенков написаны акварелью цветы. В основном они оказались садовыми: лилии, гортензии и тюльпаны, нарциссы и гиацинты. На фоне их пышной красоты особенно нежно смотрелись полевые лютики и фиалки. На последнем листе красовалась роскошная тёмно-алая роза, бархатистая, только что распустившаяся, с капельками росы на лепестках.

– Как хорошо! Вы очень талантливы, – восхитилась княжна. – А где остальные листы, вы вставили их в рамки?

– Я подарил их тем, кого считал вторыми половинками этих цветов, – ответил Островский. В его глазах мелькнула робость, и он признался: – Я не знаю, как объяснить, чтобы стало понятнее.

– Наверное, вы хотите сказать, что девушки напоминают вам цветы, – помогла ему Долли. – Когда хотят сделать комплимент даме, то говорят, что она похожа на розу, а у вас – более тонкое восприятие.

– Да, вы правы! Обычно я не страдаю таким косноязычи-

ем, как видно, ваша красота смутила меня, – откровенно польстил Лаврентий. Взглянув в посуровевшее лицо княжны, он понял, что переборщил, и поспешил исправить оплошность: – Простите меня за вольность, но я – простой офицер и не очень умею говорить с дамами.

– Мне пора ехать, – строго сказала Долли, подхватила длинный шлейф амазонки и подошла к поваленному дереву, где её терпеливо ждал Лис.

Княжна легко вскочила в седло и обернулась к художнику:

– Всего хорошего!

Но не тут-то было: Островский шагнул вперёд и придержал Лиса за узду.

– Пожалуйста, разрешите мне видеть вас! Я надеялся сопровождать вас на прогулках, – признался Лаврентий.

Долли задумалась. Она опасалась слухов, но обижать человека, не сделавшего ей ничего дурного, тоже не хотелось. Нужно было выкрутиться, но уж это княжна Черкасская умела делать лучше всех на свете. Она улыбнулась и сказала:

– В конце месяца вернётся моя тётя, и тогда мы начнём принимать наших друзей в Ратманове. Представьте, и, если она вас пригласит, вы сможете бывать у нас. – Не дав Островскому возможности продолжить разговор, Долли ударила коня пяткой в бок. Лис тряхнул головой, освободил узду из чужих рук и стрелой взлетел на мост.

Какая удачная отговорка! И волки сыты – и овцы целы. Пусть тётя сама решит, подходящее это знакомство или нет.

Сбросив наконец груз сомнений, Долли с лёгкой душой отдалась скачке. Рыжий красавец Лис не обманул ожиданий: минуты за три проскочив рощу, он понёс свою хозяйку через поля со скоростью ветра.

Глава пятая. Умение делать выводы

Рыжим лисьим хвостом взметнулось пламя над догорающей свечой, фитиль напоследок зашипел и утонул в лужице растаявшего воска. Впрочем, нужды в огне больше не было – в окно глядел серый рассвет. Агата Андреевна потёрла виски и устало прикрыла глаза. Стопы исписанных листов занимали весь маленький письменный стол, втиснутый между платяным шкафом и подоконником – это курляндские дворяне описали для Орловой своих друзей и соседей, а также всех встречных и поперечных, каких только смогли вспомнить. Но толку от всей этой писанины оказалось мало, а если честно сказать, так и вовсе никакого.

Что же теперь сказать кузине? Полина и так потеряла терпение, засыпая Агату Андреевну записочками с прозрачными намеками. Кузину можно понять – она ещё две недели назад привезла во дворец последние записи.

«Может, я неправильно им всё объяснила? – в очередной раз спросила себя Орлова. – Получилась-то каша».

Другое слово для обозначения имевшегося результата подобрать было трудно: никто из выполнявших задание не попытался привести свои мысли хоть в какой-то порядок. Мужчины писали что-то вроде: «Астаховы, мать – старая

ведьма, трое сыновей – все пьяницы и картёжники»; дамы излагали свои мысли более цивилизованно, однако недалеко ушли от своих мужей. Единственное, что все они сделали, так это разделили фамилии по сословиям, начав, естественно, с дворянского.

«Ну и на том спасибо, – смирилась наконец Агата Андреевна, сложив все записи в три приблизительно одинаковых стопы. – Ни одного исключения, значит, придётся выкручиваться самой».

Еще неделю назад Орлова расчертила таблицу, куда внесла перечисленные в листах фамилии. Сначала всё выглядело логичным, но потом фрейлина стала подбирать к написанным именам характеристики, и результаты оказались плачевными. Единственным, что роднило все описания, была критичность, но зато одна и та же дама, по мнению разных людей, могла быть и до смерти злопамятной, и ничего не помнящей «курицей», а почтенный отец семейства кому-то виделся хитрым проходимцем, а другим – полным идиотом, не умеющим сложить два и два.

Пришлось искать другой путь. Агата Андреевна попыталась выбрать семьи без отца – в надежде, что мать может оказаться властной и жестокой особой. Потом из отобранной группы фрейлина оставила лишь семьи с сыновьями. В итоге у неё набралось два десятка фамилий, да и типажи в некоторых семействах выглядели вполне подходящими. Только вот беда – эти неблагополучные сыновья как буянили по кабакам

задолго до мая нынешнего года, так и продолжали этим заниматься, а их жестокосердные мамы по-прежнему охаживали своих отпрысков по щекам. Не проглядывалось у этих сомнительных семейств никаких мотивов для похищения молоденьких девиц. Уездное колесо мерно катилось по закаменевшей от времени колее как до нынешнего мая, так и после. Так в чём же дело? Может, в зависти?

«Полине и её соседям повезло, – размышляла Орлова. – Наполеон мимо прошёл. Соседний уезд разорили вчистую, а им – как с гуся вода».

Вдруг это обозлённые жители разорённых уездов перебрались в уцелевший оазис и принялись там безобразничать. Может, из зависти или мести, а может, из подлости... Но что-то никто из опрашиваемых помещиков не припомнил в уезде посторонних людей. Единственной новой фигурой мог считаться раненый офицер Островский, но тот прибыл домой по уважительной причине – на похороны отца. К тому же он – герой, да и здоровьем после ранения слаб. Какой из него похититель девиц?

Ничего не скажешь, не дело, а настоящий тупик. Придется, видно, лично беседовать с жителями злополучного уезда. Вдруг повезёт и в разговоре мелькнёт что-то интересное, какая-то зацепка?

«Завтра вызову Полину», – решила Орлова.

Она быстро набросала записку кухне и встала из-за стола, но тут же покачнулась: ноги не разгибались – совсем за-

текли от долгого сидения. Орлова еле доковыляла до постели. Все. Хватит на сегодня Полининых загадок.

Полину фрейлина ждала к вечеру. Она предупредила лакеев у входа, и ей пообещали привести графиню Брюс, как только та прибудет. Кузина появилась в начале девятого, чмокнула Орлову в щеку и сразу же перешла к делу:

– Ну что скажешь?

– Пока рано говорить, я позвала тебя, чтобы кое-что уточнить.

Полина с готовностью кивнула.

– Конечно, спрашивай! – предложила она и тут же пожаловалась: – Ты не представляешь, как я хочу вернуться домой. Без меня урожай убрали, не дай бог, с зерном напортачат! Этак я по миру пойду.

Подобные опасения выглядели откровенным кокетством. Кроме Григорьева Полина получила в наследство от погибшего мужа еще два поместья поменьше и солидную сумму в ассигнациях, бедность ей не грозила, поэтому Орлова пропустила жалобы мимо ушей и вернулась к главному:

– Понимаешь, я не хочу рассматривать тот случай, когда к вам в уезд приезжают чужаки, ловят на улице девиц, убивают, а потом возвращаются к себе домой. Потому что при подобном раскладе найти преступников можно лишь случайно. Я исхожу из того, что похититель живёт где-то рядом. В этом есть своя логика: злодею не нужно торопиться, он может тщательно обдумать очередное похищение. К тому же

надо куда-то увезти девушку. Уезд у вас небольшой, лесов мало, если бы злоумышленник убивал и прятал трупы где-нибудь в роще, это обязательно вскрылось бы. Однако никто ничего не видел, тела не найдены, так что я делаю вывод: у преступника есть место, где он может держать похищенных.

– Ты хочешь сказать, что он – помещик? – ужаснулась Полина.

– Возможно и так, а может, хозяин хутора, мельник или пасечник – любой человек, имеющий дом и участок земли в безлюдном месте.

Графиня Брюс явно опешила. Скорее всего, она подозревала, что в уезде бесчинствуют пьяные мастеровые или лобазники, но Орлову сейчас переживания кузины не тронули.

– Поля, вспоминай хорошенько! – приказала Агата Андреевна. – У меня после разбора ваших записей осталось такое впечатление, что никто из помещиков, кроме молодого Островского, в уезд в этом году не приезжал. Я говорю о том, что человек приехал, поселился в уезде и прожил там по крайней мере до времени исчезновения последней из девушек.

Полина надолго задумалась и наконец подтвердила:

– Да, только Лаврентий один и приехал. Отца похоронил и остался. Больше никого вспомнить не могу. А мои соседи что тебе написали?

– То же самое... Понимаешь, какая штука, этот Остров-

ский – единственный новичок, умеющий убивать. Раз вернулся с войны, значит, ему уже случалось это делать. Хотя, скажу честно, я не вижу причин, зачем ему это понадобилось. К тому же у Островского не мать, а мачеха. С одной стороны, это – подходящий расклад, ведь женщина с большей вероятностью проявит жестокость по отношению к чужому ребенку, чем к собственному, но с другой – эту Иларию все как один описывают покорной женой – затворницей.

– Да уж! Я её за двадцать лет и видела-то всего раза три, причём в последний – на похоронах. Внешне Илария казалась броской, но всегда молчала, глаза прятала, – вспомнила Полина. – Я по молодости думала, что Валерьян скрутил бедняжку в бараний рог – отыгрался за свою жизнь с Марианной.

Агата Андреевна уже сообразила, что Валерьян – это тот самый отец-игрок, которого приехал хоронить раненый офицер, а Марианна – его умершая мать.

– Расскажи-ка мне о родителях этого Лаврентия, – попросила Орлова.

– Марианну я почти не помню, она умерла в тот год, когда я вышла замуж и переехала в Григорьево. Слышала сплетни, будто о ней до замужества ходило немало толков – вроде бы она дворовых мужиков жаловала. Но Валерьяна это не остановило, он о приданом думал. После смерти первой жены он вновь проделал тот же фокус с Иларией. Тогда все его очень осуждали, ведь новобрачной не исполнилось даже

шестнадцати, а Островскому перевалило за сорок. Мог бы из приличия и не спешить: траур соблюсти, дожидаться, пока невеста повзрослеет; но Валерьян боялся, что другие родственники заберут девушку из его дома и он потеряет шанс разбогатеть.

– Так Илария жила в доме сестры?

– Да, после смерти отца она переехала к Марианне, – подтвердила Полина. – Кстати, я вспомнила одну пикантную подробность: сёстры были очень схожи меж собой. Мужчины тогда ещё отпускали двусмысленные шутки по этому поводу.

– А ты не знаешь, сколько лет Илария прожила в семействе сестры и зятя?

– Я уже переехала в Григорьево, когда в уезде обсуждали смерть её отца. Все тогда очень жалели девушку, ведь отец её баловал, а Марианна считалась дамой жёсткой – по крайней мере, собственное семейство она держала в узде.

Показалось ли Агате Андреевне, будто она что-то нащупала? Дай-то бог! Фрейлина ухватилась за хвостик мелькнувшей догадки.

– Так получается, что Илария и года не прожила в доме при жизни сестры?

– Выходит, что так...

– И ты говоришь, что, когда Валерьян второй раз женился, невесте не было и шестнадцати?

– Да, ей было пятнадцать... – тихо подтвердила Полина.

Она еле смогла договорить, но Орлова сделала вид, что не

замечает слабости кузины (материнский страх казался таким понятным), и продолжила рассуждения:

– Предположим, что слухи – правда и Илария с пятнадцати лет подвергалась насилию со стороны мужа. Теперь она освободилась, к тому же вернулся пасынок...

Графиня Брюс в ужасе затрясла головой.

– Не хочешь же ты сказать, что она... с собственным пасынком?

– Я так понимаю, что ей лет тридцать пять – тридцать шесть?

– Ну, где-то так, но в нашем уезде дамы в таком возрасте уже бабушками становятся! – возмутилась Полина. – Я видела Островского на похоронах, он – красавчик, мне даже пришла мысль о нём и Мими, но, когда я узнала, что покойный Валерьян перед смертью проиграл имение... Сама понимаешь!

Однако фрейлину волновало другое: оказывается, Полина видела мачеху и пасынка вместе! Очень удачно...

– Раз ты была на похоронах, значит, наблюдала и за вдовой?

– Ну конечно. Всё выглядело очень пристойно: Илария сидела у гроба и рыдала.

– А Лаврентий как относился к мачехе?

– По-моему, достойно, он всё время поддерживал её и утешал.

Орлова задумалась. Неясная линия, скорее даже пунктир,

наконец-то мелькнула среди полного хаоса: женщина, попавшая в зависимость, когда ей было пятнадцать лет, освобождается и начинает... Что?.. Мстить?.. Воссоздавать прошлое?.. Устраивать пасынку ту же жизнь, которая была у его родителей? Оставалось лишь гадать.

– Послушай, Поля, а как ты считаешь, Лаврентий внешне похож на отца?

– Да одно лицо! Я, кажется, понимаю, на что ты намекаешь: Иларию рехнулась и перепутала мужа с пасынком...

– Возможно, – согласилась Орлова, – но пока это всего лишь догадки. Кстати, ты сказала, что Островский-старший проиграл имение. Так где же теперь живут вдова и сын? Я подозреваю, что новые владельцы не постеснялись выставить их вон.

– Островские перебрались на хутор, оставленный Иларию отцом.

Полина вдруг всплеснула руками и закричала:

– Хутор! Агаша, ты нашла преступника! Хутор...

Неужели им действительно повезло и разгадка нашупана? Но не стоило спешить с выводами.

– Давай сделаем так: ты опишешь все наши догадки своему уездному исправнику, пусть он понаблюдает за хутором Островских, устроит негласный надзор и за мачехой, и за пасынком, – предложила Орлова. – Нам требуются достоверные сведения, а не домыслы.

– Я вернусь домой, и сама за этим прослежу, а исправник

у меня забегает, как ошпаренный! – заявила графиня Брюс.

– Но ты же уехала из страха за дочь, а преступник пока ещё на свободе...

– Во-первых, я по дороге завезу Мими в имение её бабки – свекровь давно хотела повидать внучку, ну а во-вторых, если ты права, то мне бояться нечего.

– Потому что тебе не пятнадцать?

В интонациях Орловой недвусмысленно проступили ехидные нотки, и ей тут же стало стыдно. Впрочем, графиню Брюс подколки кухни не задела.

– Можешь сколько угодно шутить над моим возрастом, я всё равно на год моложе тебя, но дело в другом. Островский получил наследство где-то на юге. Лаврентий, забрав тётку и её служанку, кстати, такую же рыжую, как и сама Илария, уехал за день до нашего с Мими отъезда.

– Так их сейчас нет дома? – поняла Орлова. – Но тогда твой исправник может без помех обследовать весь хутор. Пусть ищет свежие грядки, клумбы или посадки. Если мы с тобой не ошиблись, то он должен найти тела.

Полина перекрестилась и мысленно пожелала, чтобы всё так и получилось, а кошмар в её уезде наконец-то закончился.

Глава шестая. Тайные планы

«Получится или нет?» – Долли все-таки сомневалась в своих способностях убедить домашних разрешить ей разводить лошадей и решила для начала опробовать свои аргументы на крёстном.

После рожи (на развилке дорог) она повернула к Троицкому и теперь гнала Лиса через поля к знакомому снежно-белому дому. Барон Тальзит – друг и ровесник покойного отца княжон – так и не обзавёлся собственной семьёй, поэтому к своим крестницам Долли и Ольге относился с отеческой нежностью. Девочки отвечали Тальзиту такой же любовью, а его двухэтажный дом в Троицком считали почти что родным.

Долли остановила Лиса у крыльца, ловко соскочила на верхнюю ступеньку и, передав повод дворовому мальчишке, направилась в кабинет хозяина дома. Александр Николаевич сидел за дедовским письменным столом. Сумрачное выражение лица, столь не свойственное этому светлому человеку, удивило Долли, но лезть в душу барону она не стала и поздоровалась как ни в чём не бывало:

– Добрый день, крёстный. – Она, наклонившись, поцеловала Тальзита в подёрнутую сединой каштановую макушку.

– Здравствуй, ранняя пташка! – Александр Николаевич явно обрадовался.

Морщины на его лбу разгладились, а в серых глазах даже мелькнули смешинки.

– Ты опять заставила своего Лиса лететь, как ветер?

– Его не надо заставлять, нужно просто не мешать, и Лис полетит быстрее ветра, – отозвалась Долли. – Ну а как у вас дела?

Александр Николаевич вновь опечалился:

– Ох, прямо не знаю, что и делать! Получил депешу от племянницы Сони, та хочет прислать ко мне своих дочек. Сама она собралась за границу, а оставлять Мари и Натали одних боится. Я написал, что буду рад, но теперь...

– А что случилось? Почему вы беспокоитесь? – удивилась Долли.

Новость о приезде внучатых племянниц крёстного её обрадовала: княжны Черкасские давно дружили с этими весёлыми и жизнерадостными барышнями. Вот только барон совсем не разделял девичьих восторгов.

– Вчера перекупщик из уезда приезжал за яблоками, так он божился, что в округе пропали уже две девицы – совсем молоденькие, по пятнадцати лет, – вздохнул Тальзит. – Вот я и боюсь – вас же, молодых, дома не удержишь, а вдруг с Сониными дочками что-то случится...

Долли стало даже как-то неловко за крёстного: взрослый человек, а говорит такие глупости.

– Ничего с ними не случится. Я сама буду следить за девочками! – пообещала она.

– Милая моя, а за тобой-то кто проследит? – ворчливо отозвался Тальзит. – Ну, посмотри, как ты себя ведёшь: скачешь по лесам одна. Неизвестно ещё, кто тебе может встретиться!

Разговор скатывался к обычным нотациям, но Долли уступать не собиралась:

– Ну, кто может мне встретиться между Ратмановом и Троицким, кроме наших мужиков? Да и потом, моего Лиса всё равно никто не догонит.

Барон явно разволновался:

– Да, конь у тебя быстрый, а если, не дай бог, его подстрелят? У нас густые леса, а если на тебя нападут разбойники, никто и не услышит.

– Крёстный, какие разбойники?! – уже не выдержала Долли. – Что вы верите пустым рассказам?

Но Тальзит стоял на своём:

– Девушки пропали, и никто их не может найти, это – правда, а не домыслы. Наверное, мне нельзя брать племянниц. Нужно написать, чтобы Соня не присылала их.

Ещё чуть-чуть, и крёстный мог всё испортить. Этого Долли допускать не хотела, потому схитрила:

– Да вы уже и не успеете со своим письмом – девочки, наверное, выехали. Только расстроите тётю Соню, и вся её поездка пойдёт насмарку.

Барон надолго задумался. Он вздыхал и отдувался, как печальная больная корова, но в конце концов сдался:

– Похоже, что у меня нет выбора. Я, наверное, соглашусь на их приезд, но только с тем условием, что ты тоже перестанешь ездить одна. Бери на прогулки дворового с ружьём, а ещё лучше двоих.

– Крёстный, да за кого вы меня принимаете? У меня оружие всегда с собой, – гордо сообщила Долли.

Она приподняла юбку и показала барону нож, засунутый за голенище короткого сафьянового сапожка. Однако о своей откровенности княжна сразу же пожалела. Александр Николаевич громко охнул и схватился за сердце. Долли обняла его и подвела к дивану. Усадила. Налив из графина воды, накапала в стакан лекарство. Она еле уговорила барона всё выпить, а потом долго сидела рядом, дожидаясь, пока капли подействуют. Наконец Тальзиту полегчало, но вместе с силами вернулось и прежнее возмущение. Барон отдышался и принялся отчитывать крестницу:

– Боже мой, Долли! Неужели ты всерьёз думаешь, что сможешь кого-то одолеть, имея за голенищем охотничий нож? Это даже смешно обсуждать. Не понимаю, о чём думает Опекушина, разрешая тебе выезжать одной! Придётся мне с ней поговорить.

Перспектива расстроить добрейшую Марию Ивановну княжну совсем не обрадовала. Надо было, пока не поздно, сгладить размолвку.

– Крёстный, пожалуйста, не нужно никого беспокоить, – попросила Долли. – Я обещаю, что стану брать с собой пи-

столеты Алексея. Я ведь отлично фехтую, да и стреляю метко. Пожалуйста, пойдёмте в сад, и я покажу, на что годна. Вы ведь никому ещё не подарили свои пистолеты?

Барон с трудом удержал улыбку: хитрости его любимицы были шиты белыми нитками.

– Пистолеты заперты в ящике, – подтвердил Александр Николаевич, но, вспомнив о воспитательных моментах, закончил строго: – Только ты, как видно, хочешь обвести меня вокруг пальца. Уверяю тебя, что ничего не выйдет! Мы не пойдём стрелять – это совсем не к лицу девушке твоего возраста. Если женихи узнают, как ты обращаешься с оружием, они все испугаются и разбегутся, а ты останешься старой девой.

Крёстный сам дал повод заговорить на нужную тему, и Долли пошла ва-банк:

– Зачем мне жених-трус? Вы ведь сами – душеприказчик моих отца и бабушки и знаете, что с их наследством мне нет нужды выходить замуж. Я хочу остаться свободной. Жить в Ратманове и разводить лошадей. Пожалуйста, достаньте пистолеты, и я покажу вам, каких успехов достигла! Может, вы ещё станете мной гордиться.

Смирясь с неизбежным, барон вздохнул и достал из ящика стола потёртую шкатулку розового дерева с парой дуэльных пистолетов.

– Пойдём покажешь свои достижения. Но хочу напомнить: родные оставили тебе деньги, чтобы ты смогла выйти

замуж по зову сердца, «хоть за нищего», как говорила твоя бабушка.

Тальзит распахнул дверь на террасу и, пропустив вперёд крестницу, направился в сад. Как все старые холостяки, он считал разведение цветов «дамскими нежностями», и его сад, лет двадцать назад ещё имевший регулярный облик, теперь совершенно одичал и этим нравился Долли ещё больше. Барон помог крестнице пробраться среди огромных кустов жасмина и сирени, захвативших то, что прежде было дорожками, и подвёл к старому кряжистому вязу, росшему у самой ограды.

– Вон видишь толстую ветку? Она растёт над землей почти горизонтально, и листьев на ней мало. Попадёшь в неё с двадцати пяти шагов, подарю тебе эти пистолеты, – предложил Тальзит и, не выдержав, улыбнулся, – а в придачу седельную кобуру. Ты ведь хочешь получить пистолеты с того самого дня, как только впервые их увидела.

– Да, это правда, – подтвердила Долли, – не знаю, как вы догадались, но отрицать не стану.

Пока барон отмерял двадцать пять шагов, княжна внимательно осмотрела оружие. Долли зарядила оба пистолета и, подойдя к черте, процарапанной крестным в пыли, прицелилась, а потом выстрелила – сначала из одного, а следом – из другого. Ветка обломилась и рухнула на землю.

Тальзит подошёл к вязу и осмотрел место слома. Долли попала в ветку дважды: первая пуля расщепила древесину, а

вторая, угодив в ту же трещину, окончательно разорвала её.

– У меня просто нет слов! – воскрился Тальзит. – Забирай пистолеты...

Он обнял Долли, и они, смеясь, направились в дом. В дополнение к шкатулке с оружием барон вручил крестнице и седельную кобуру из кордовской кожи. Провожая Долли, он уже больше не вспоминал о прежних сомнениях...

Княжна оказалась права: внучатые племянницы приехали к барону ровно через неделю и, конечно же, никакого письма уже получить не могли. Барышни сразу же отправились с визитом в Ратманово, где их восторженно встретили Долли, Лиза и Ольга Черкасские, и теперь этот озорной девичий табор то и дело кочевал между двумя поместьями, безмерно осложняя Тальзиту жизнь.

Конец сентября в новом поместье выдался таким жарким, что Островский просто не мог нарадоваться. В Курляндии дождь моросил добрую половину лета, а в сентябре и вовсе лил по трое суток подряд, и при этом резко холодало. Здесь же тёплый ветерок ласково шелестел листьями ещё зеленых деревьев, а солнце грело так сильно, что под сюртуком у Лаврентия плавилась спина.

Накануне вечером Островский решил взять себе в помощницы Анфису. Строго-настрога запретив рассказывать обо всём хозяйке, он поручил рыжей пройдохе вызнать у дворовых, есть ли в округе богатые невесты. Сегодня после завтрака, как только Илария ушла в сад, Анфиса подошла к

барину и зашептала:

– На рынке в Троицком приказчигова дочь болтала, что светлейшие княжны Черкасские – самые богатые невесты губернии, а может, и всей России. За каждой одного приданого дают по сто пятьдесят тысяч, а потом их ещё ждёт хорошее наследство. Только у княжон есть опекун – их старший брат. Сейчас тот воюет, а барышни живут в Ратманове с тётками. Самая старшая из княжон в прошлом году уехала из дома и с тех пор так и не вернулась. Да ей уже девятнадцать, верно, замуж вышла. Второй сестре – семнадцать, она считается невестой, а две другие – ещё маленькие.

Опасаясь, что хозяйка застучает её рядом с пасынком, Анфиса отошла. Лаврентий не стал её задерживать – главное служанка уже сказала. Оставалось только всё хорошенько взвесить. Он велел оседлать донского жеребца – единственного в конюшне покойного дяди – и поскакал вдоль полей в надежде собраться с мыслями.

Чутье Островского не подвело: милейшая Дарья Николаевна оказалась очень даже непростой барышней. Хотя загадка была не из мудреных – достаточно было оценить английского скакуна, да и весь облик барышни. Уездная принцесса. Богатая невеста сама шла в руки, оставалось только не упустить её. Значит, самое время представиться официально.

До сих пор Островский всячески избегал знакомства с соседями. Он боялся, что, если начнёт ездить с визитами, кто-нибудь из ответной любезности может заглянуть и к нему.

Не дай бог, такой визитёр увидит блаженную улыбку Иларии или заприметит её отсутствующий взгляд. Что тогда подумают об Островских? Мачеха висела на ногах Лаврентия пудовыми веригами, но он не находил в себе сил разорвать эти путы. Глядя на Иларию, всё такую же молодую и яркую, он не мог поверить, что ей тридцать семь. Островский всё оттягивал неизбежное: ещё денёк, а потом ещё один... Но теперь время вышло.

«Деньги за каждой из Черкасских дают немереные, – размышлял Лаврентий. – Афанасьево стоит двенадцать тысяч. На приданое можно купить два-три больших поместья, восстановить это, и ещё куча денег останется. Да к тому же наследство. Всё, что проиграл отец, не тянет даже на четверть того, что дают за милейшей Дарьей Николаевной. Надо бы поспешить, пока этот кусок не утащили прямо из-под носа».

Может, по-свойски (соседи, мол!) заехать к барону Тальзиту? Старик явно дружит с Черкасскими, значит, сможет представить новичка княжескому семейству.

«Так и сделаю», – решил Лаврентий и вздохнул: до назначенного визита к барону ему предстояло пережить главное – решиться на разговор с Иларией.

Солнышко припекало, сквозь шёлк траурного платья нежилось плечо Иларии. Это оказалось так приятно... Накопав на лугу ромашек и васильков, Островская рассаживала цветы по клумбам. Сердце её пело – ведь Малыш был рядом. Наконец-то их быт устроился. Теперь самая пора

наслаждаться жизнью. Высадив последний цветок, Илария поднялась с колен, отряхнула руки в кожаных перчатках и отдала Анфисе совок, а потом маленькую лейку.

– Хорошо, что мы именно сюда переехали. Климат здесь прекрасный, земля – чудо какая плодородная. Я устрою здесь восхитительный сад...

Илария не договорила. Услышав стук копыт, она радостно встрепенулась и поспешила навстречу пасынку. Женщины так давно обожала смуглого красавца брюнета, что уже не вспоминала, что мужчин было двое – в её сознании Валерьян и Лаврентий слились в образ одного великолепного самца. И сейчас, при виде любовника, её сердце забилось чаще. Она просунула руку под локоть Лаврентия и потянула его к новым посадкам.

– Мой дорогой, глянь сюда. Правда, красиво? Одна клумба – из ромашек, а другая – из васильков. Вот только мне кажется, что в нашем саду не хватает благородных цветов. Что ты об этом думаешь?

– Милочка, делай по своему желанию, – угодливо улыбнулся Лаврентий. Пытаясь оценить, осмыслен ли взгляд мацехи, он заглянул в лицо Иларии. Не поймёшь! Глаза чёрные – непроницаемые. Так в уме она нынче или нет? Но отступать всё равно было некуда, и Лаврентий решился на разговор: – Послушай, нам нужно побеседовать.

– Хорошо, дорогой, только ты дай мне свой альбом, я хочу выбрать цветы для нашего сада, – попросила Илария и

плотно прижалась грудью к боку пасынка.

Ну, надо же! Женщина сама подсказала нужные аргументы. Теперь Лаврентий знал, как её убедить.

– Пойдём, я достану альбом и расскажу, какой у меня созрел план насчёт имения, – заявил он и увлёк мачеху в дом.

Что ж, можно считать, что гонка за приданым началась. К началу октября Илария уедет из Афанасьева.

Глава седьмая. Предупреждение

Октябрь принес в Ратманово утреннюю прохладу, но дни ещё оставались тёплыми, обласканными нежным, бархатистым солнцем. Природа поражала буйством красок – так щедро рассыпались вокруг багрянец и золото. Вот уж и впрямь: очей очарованье. Лучше и не скажешь.

Жители уезда обожали эти благодатные деньки, когда урожай уже собран и можно больше не пластаться на полях. Хлеба в этом году уродились на диво, да и сады не подвели, так что довольные хозяева считали доходы, а в имениях началась череда весёлых осенних гуляний. Первым по традиции гостей принимало Троицкое.

Барон Тальзит не мудрствуя лукаво поступал всегда одинаково: для съезжавшихся со всех концов мужиков и баб на площади у церкви расставляли столы с угощением, а для «благородных» накрывали на большой лужайке в барском саду. Наспех перекусив, дворянская молодежь убегала в село, а старшее поколение отправлялось в дом, где на зелёном сукне ломберных столов поблескивали атласными боками футляры нераспечатанных колод. Здесь же искушали страждущих (коих всегда хватало) графины со столовым вином, наливками и настойками. Почитая это наиважнейшим делом, барон лично следил за приготовлением горячительного, а уж своей анисовой – двойной перегонки да заквашен-

ной на пиве – откровенно гордился.

Приём в Троицком был назначен назавтра. Княжны Черкасские и внучатые племянницы самого барона сбились с ног. Они уже нарезали из цветной бумаги множество гирлянд и украсили ими деревья в саду, изрядно проредив цветники в Ратманове, составили множество букетов. Убранные с прошлого года скатерти перегладили, посуду перетёрли, а всё дворовые девки под строгим надзором Долли уже с неделю оттирали дом до зеркального блеска. Накануне праздника княжна в последний раз прошлась по дому и вынесла свой вердикт:

– Отлично!..

Горы хлебов и кулебяк заняли все столы на кухне. Пивоварня в имении работала без устали уже второй месяц, и ряды бочонков с ячменным пивом закрывали большую часть её кирпичных стен. Только что в село отправили бычка и баранов, их завтра собирались зажарить на большом костре в центре площади. Для соседей-помещиков Долли с крёстным выбрали заливное, жареных цыплят, расстегаи и рыбу, а для молодежи – пирожные. Всё шло по плану, и княжна с лёгким сердцем отпустила сестёр и подруг в село – посмотреть на закладку костров. Крёстный обещал, что сам привезёт барышень обратно.

Стук колес на подъездной аллее возвестил об их возвращении. Солнце било Долли в глаза, и ей пришлось приложить руку ко лбу, чтобы разглядеть хоть что-то. В экипаже

рядом со старой треуголкой барона виднелись яркие девичьи шляпки. Но почему коляску сопровождает верховой? Долли с раздражением узнала во всаднике своего тайного знакомого Лаврентия Островского. Вот так сюрприз! Причем неприятный.

«Ох! Если он сейчас хоть чем-нибудь намекнёт, что встретился со мной в лесу, придётся объясняться и с крёстным, и Марьей Ивановной», – расстроилась Долли. Её хорошее настроение мгновенно улетучилось.

Александр Николаевич вышел первым и по очереди подал руку всем четырём своим подопечным. Барышни окружили Долли.

– Ну, как костёр? – спросила она, чем вызвала шквал восторженных откликов.

Однако барона не так-то легко было сбить с толку. Мягко оттеснив болтушек от Долли, он привлёк её внимание к гостю:

– Дорогая, позволь представить тебе нашего нового соседа. Господин Островский недавно унаследовал Афанасьёво от покойного Ивана Ивановича. – Тальзит улыбнулся гостю и представил ему крестницу: – Прошу любить и жаловать! Светлейшая княжна Дарья Николаевна Черкасская.

Долли кивнула, но руки Островскому не подала, надеясь, что он правильно поймёт её намёк.

– Добрый день...

Гость поклонился:

– Счастлив познакомиться! Меня уже представили остальным дамам и даже пригласили на завтрашний праздник. Надеюсь, как хозяйка бала, вы не станете возражать?

– Мы – провинциалы и балов не даём, с нас и гуляний достаточно. Если вас это заинтересует, милости просим, – сухо заметила княжна и обратилась к Тальзиту: – Крёстный, я проверила, всё уже готово, и мы с сёстрами можем ехать домой. Если вы отпустите к нам в гости Мари и Натали, то завтра часам к десяти мы все вместе вернёмся.

– Дядюшка, пожалуйста, можно нам поехать? – в унисон заныли Мари и Натали, повиснув с двух сторон на руках барона.

Тот сразу же согласился:

– Ну хорошо, поезжайте. Я сейчас распоряжусь, чтобы Савва проводил вас до Ратманова.

– Окажите эту честь мне – позвольте сопровождать барышень, – вмешался Островский. – Я буду счастлив.

Барон расцвёл улыбкой:

– Буду премного обязан! А вас жду завтра к нам на праздник. В два часа пополудни, милости прошу.

Лаврентий поблагодарил хозяина и, встав у дверцы экипажа, по очереди подал руку двум младшим княжнам и племянницам Тальзита. Долли уже вскочила на приведённого конюхом Лиса. Барон закрыл дверцу коляски, пришпоренный наездницей конь рванул вперед, а Лаврентий поехал вслед за экипажем, ведь строптивая Долли прозрачно намека-

нула, что лучше пока держаться от неё подальше.

Через полчаса вся компания прибыла в Ратманово. На крыльцо вышла Опекушина. Стайкой райских птичек окружили её барышни, защебетали о славно проведённом вечере, но твердый голос Долли перебил их:

– Тётя, позвольте вам представить господина Островского, он – наш новый сосед, а сегодня любезно проводил нас домой.

Марья Ивановна протянула Лаврентию руку, которую тот почтительно поцеловал, и поблагодарила его. На этом разговор закончился.

Пришлось Островскому откланяться. На обратном пути он всё время пытался понять, как вести себя дальше. С чего это Долли напустила на себя такой холод? В чём он ошибся? Уже на подъезде к Афанасьеву Лаврентий наконец-то пришел к выводу, что к княжне нужно подбираться через её близких. Не подпустила сразу? Да и ладно – в конце концов, он тоже не мальчик, и для него не секрет, что прежде чем попасть в спальню женщины, надобно втереться в доверие к её родне.

Сразу же после ужина барышни собралась в спальне Долли. Ольга лежала на кровати, Лиза, Мари и Натали расселись на диване и стульях, а сама хозяйка комнаты устроилась на банкетке у туалетного столика.

– Боже, до чего же Лаврентий импозантный, – с ужимками взрослой дамы сообщила тринадцатилетняя Натали.

– Да, очень! – эхом откликнулась её ровесница Ольга.

– Ну и чем же он так импозантен? – скептически поинтересовалась Долли. Она не отрицала, что Островский красив, но её идеалом был брат Алексей, и хотя новый сосед оказался таким же высоким и темноволосым, как князь Черкасский, на этом сходство заканчивалось. Во всём облике брата с ранней юности проступала мощь его личности, а Островский был самым обыкновенным, но объяснять это сёстрам и подругам Долли не собиралась. Впрочем, этого и не потребовалось, ноту осуждения внесла Лиза:

– А мне этот Островский совсем не понравился. – Лизины щёки слегка порозовели от волнения. – Он подал мне руку, и я почувствовала холод и угрозу, и ещё он почему-то вспоминал о красной розе.

Опять сестре что-то мерещится. Ну что за наказание?! Долли расстроилась и из чувства противоречия выпалила:

– Наоборот, очень приятно, когда мужчина любит цветы, редкое качество для этого грубого пола.

Настроение было испорчено безвозвратно. Сестра уже давно изводила Долли своими рассказами. Что за дурацкие байки! К тому же тревожные и неприятные. Жизнерадостная и практичная Долли двумя ногами стояла на грешной земле и поверить в такую мистику, как чтение мыслей через прикосновение к руке, не могла никак. Ну почему это случилось именно с Лизой? Зачем вообще нужно копаться в мыслях людей?

Даша Морозова, которую Долли попросила понаблюдать за сестрой, в первый же день встала на сторону Лизы и теперь ходила за ней как привязанная, для этого хватило простейшего фокуса: немного подержать за ручку и что-то пошептать на ушко.

– Боже мой, Лиза пересказала мои самые сокровенные мысли! – призналась тогда Даша, и её глаза, ставшие круглыми, как блюдца, подёрнулись мечтательной дымкой.

– Ах, какая тайна! – скривилась Долли. – Тебе поведали, как ты мечтаешь о Пете, сыне дворецкого. Может, я тоже прорицательница?

– Откуда ты знаешь?..

– Нужно быть слепой, чтобы этого не заметить. Увидев Петю, ты так краснеешь, что я каждый раз пугаюсь, не станет ли тебе дурно.

Но переубедить подругу, уверовавшую в магические способности Лизы, не удалось. То же самое случилось с Мари и Натали. Теперь эта девичья троица с благоговением смотрела Лизе в рот, ожидая от неё новых откровений. Как ни печально, но Долли осталась в одиночестве. Жалко, что здесь не было ни Елены, ни Алекса – вот кто поддержал бы сестру в битве разума с суевериями, а теперь приходилось бороться одной. Долли сосредоточилась и постаралась найти прореху в рассуждениях Лизы.

– Расскажи нам, что ты почувствовала, когда коснулась руки Островского?

Лицо сестры стало задумчивым, она как будто ушла в себя. Наконец заговорила:

– Я видела клумбы с цветами и еще темно-красную розу, бархатистую, с капельками росы, но не живую, а вроде как нарисованную. Больше я ничего не поняла. Но мне кажется, что с этим человеком связано что-то очень опасное и тревожное.

Лиза замолчала. Долли потеряла дар речи, ведь сестра никак не могла знать о нарисованной розе. Что же это значит? Неужто Лиза права? Но ведь в это и впрямь невозможно поверить!

Долли взгляделась в лицо сестры. Очень светлыми, почти льняными волосами и мягким взглядом янтарных глаз Лиза походила на ангела. Но как могла до мозга костей земная Долли поверить в мистические способности той, кого привыкла считать малышкой?!

– А почему роза опасна? – осторожно, боясь показать, что уже колеблется, спросила Долли.

– Я не знаю. Те клумбы – от них веяло холодом, а роза стала последней картиной, мелькнувшей в моём мозгу, когда я отпустила его руку, – растерялась Лиза. Она умоляюще взглянула на сестру. – Я не могу объяснить, просто знаю это.

– Хорошо, будем считать, что ты нас предупредила, – объявила Долли и решительно сменила тему. – Давайте собираться на завтрашний праздник. Кто что хочет надеть?

Ее уловка помогла, все принялись обсуждать наряды и за-

были о Лизиных откровениях, ещё с полчаса беззаботной болтовни – и барышни разошлись по спальням.

Долли долго не могла заснуть. Ей вспомнился недавний разговор с крёстным, тогда она сказала чистую правду, а барон воспринял её слова как шутку. Долли и впрямь не хотела рисковать свободой и наследством, поэтому не собиралась замуж. Зачем, если можно дождаться двадцати одного года, получить деньги, а потом жить своим умом, разводя лошадей? Почему желание заниматься любимым делом у мужчин похвально, а у женщин считается странным чудачеством, почти что уродством? Обидно, когда тебе не верят!

«Как я Лизе», – признала наконец Долли. Наверное, придётся сделать над собой усилие и больше не отмахиваться от сестры.

День, полный забот, все-таки взял своё, и Долли заснула. Во сне она скакала на Лисе среди сжатых полей Ратманова, а за ней летел табун темно-рыжих великолепных коней.

Утро праздника выдалось великолепным. На высоком бирюзовом небе не осталось ни облачка, солнце разогнало утреннюю прохладу и теперь заметно припекало.

Дворецкий сообщил Опекушиной, что коляски поданы. Долли пожалела, что придётся оставить Лиса дома. Ну да ничего, зато она сядет в одну коляску с Лизой и по дороге сможет поговорить с сестрой. Как только тётка в окружении своих подопечных вышла на крыльцо, Долли сразу вмешалась и рассадила всех так, как запланировала: Марию Ивановну,

обеих внучек барона и Ольгу – в первый экипаж, а Лизу – во второй. Потом сама села с ней рядом.

– Почему ты сегодня так грустна? – нежно погладив руку сестры, спросила Долли.

– Нет, тебе показалось, – подозрительно быстро отозвалась Лиза.

– Я знаю тебя слишком хорошо, поэтому вижу больше, чем остальные, придётся тебе рассказать мне правду. – Долли смягчила жёсткость своих слов улыбкой, но тем не менее отступить не собиралась.

С горечью вздохнув, Лиза призналась:

– Понимаешь, мне верят лишь те, кто младше меня, а взрослые не принимают меня всерьёз.

– Я вчера поверила. – Долли даже не поняла, как у неё вырвалась эта фраза, но, увидев просиявшее лицо сестры, вдруг поняла, что совсем не кривила душой. Сказанное было чистой правдой.

Глава восьмая.

Праздник в Троицком

Когда правда о себе самом так унижительна, что не грех спрятать её за семью печатями, поневоле приходится выдумывать новую биографию. У Островского не было ни малейших сомнений относительно того, как он поступит. Естественно, что о своём прошлом умолчит, а если понадобится, то и соврёт что-нибудь «поблагороднее».

План, придуманный Лаврентием для сегодняшнего праздника, состоял из нескольких частей: в первую входило знакомство с местными помещиками, во вторую – обольщение барона Тальзита и опекунши княжон Черкасских, и только потом он собирался заняться самой Долли. Его оружием на сегодняшний вечер должно было стать почтительное восхищение.

Островский придиричиво осмотрел в зеркале свой длинный, в талию, сюртук и остался доволен. Наряд казался безупречным.

– Слушаю внимательно, восхищаюсь искренне, льщу безбожно. – Лаврентий подмигнул своему отражению. Двойник в зеркале снял невидимую пушинку с серого лацкана и обольстительно улыбнулся.

Пути до Троицкого оставалось минут сорок, а Островский

не хотел являться рано, поэтому пустил коня неспешной рысью. Мысли его сразу же свернули на проторенную дорожку – размышления о предполагаемой невесте. Девушка была волнующе красива, но, похоже, по молодости лет ещё не понимала этого, а раз так, то и нос задирать не станет. Интересно, много ли желающих получить её руку?

Пронизанный солнцем тёплый октябрьский день очаровал Островского. Ему даже на мгновение показалось, что чёрной полосы в его жизни не было и что он вновь стал юным Лавриком, единственным сыном богатых помещиков, а впереди у него – прекрасное будущее. Так вдруг захотелось вычеркнуть из жизни прошлое и славно зажить в собственном богатом имении с молодой женой. Но почему бы и нет? Простая и достойная жизнь. Что может быть лучше?

«Посвататься как можно быстрее. Сладить свадьбу – да и дело с концом», – шепнуло сердце, и Лаврентий пришпорил коня.

На липовую аллею Троицкого он влетел галопом, но тут же остановился: проезд запрудила вереница модных и старинных экипажей, пришлось пристраиваться в хвост, а потом медленно продвигаться к крыльцу. Хозяин дома под руку с крестницей Долли Черкасской встречал гостей в дверях. Лаврентий издали всматривался в лицо своей предполагаемой невесты. Красотка, да и только! Конечно, её неказистый наряд был откровенно деревенским – совсем простое платье, ни оборок, ни рюшей, ни фестонов, – но зелёный шёлк отте-

нял изумительные глаза и тяжёлые рыжеватые волосы.

Островский спрыгнул с коня, отдал поводья конюху и, когда многочисленное крикливое семейство, приехавшее непосредственно перед ним, прошло в дом, поднялся на крыльцо. Лаврентий почтительно приветствовал барона и обратился к Долли, но та по-прежнему глядела сухо. Что же он сделал не так? Хорошее настроение Островского стало таять, но барон, сам того не зная, пришёл гостю на помощь:

– Дорогая, не сочти за труд! Познакомь Лаврентия Валерьяновича с нашими соседями, а то он пока никого здесь не знает.

– Хорошо, – покорно отозвалась княжна и прошла к дверям дома, жестом пригласив Островского следовать за собой.

Лаврентий нагнал её в вестибюле и тихо спросил:

– Я чем-то разгневал вас?

– Почему вы так решили? – В голосе барышни прозвучало искреннее удивление.

– Вы сторонитесь меня...

– Вам показалось, – возразила Долли.

Островский взглянул в её лицо и понял, что княжна не лицемерит, просто для неё встречи в лесу ничего не значили. Стало обидно, на ум пришёл ехидный ответ, но Лаврентий прикусил язык. Не время размениваться на мелочи!

Долли миновала пустые комнаты и вывела гостя в сад. Издали доносился гул весёлых разговоров. По запущенным

дорожкам мимо буйно разросшихся кустов княжна вывела Островского на большую лужайку. Посреди неё выстроились парадно накрытые столы: на белых скатертях красовались яркие букеты, посуда матово сияла, а на начищенном серебре играли солнечные блики.

– Прекрасно сервировано, – похвалил Лаврентий. Он не забыл, что именно Долли считается хозяйкой праздника.

– Спасибо, я передам вашу похвалу сёстрам и подругам, они обрадуются...

Княжна подвела Островского к гостям. Как назло, первыми, к кому она обратилась, оказалось уже встреченное Лаврентием многочисленное и шумное семейство. Долли взялась знакомить нового гостя с соседями. От внимания Лаврентия не ускользнуло, что молодой человек лет двадцати, назвавшийся Михаилом Епанчиным, повёл себя холодно и высокомерно. Островский приободрился – его первый соперник оказался слишком молодым.

«Подрасти сначала, молокосос, а потом будешь с мужчинами тягаться», – мысленно пожелал сопернику Лаврентий.

Княжна продолжила обход гостей, она знакомила Островского с соседями-помещиками, их добрыми жёнами и многочисленными детьми. Лаврентий старательно запоминал фамилии, а сам присматривался к молодым людям. Возможных претендентов на руку княжны Черкасской было человек пять, но, к счастью, всё они оказались совсем юными – либо ровесниками Долли, либо старше её на год-два. Этому име-

лось разумное объяснение: взрослые дворяне ушли на войну, в поместьях осталась лишь молодёжь, но всё равно Лаврентию было очень приятно. Поняв, что серьёзных соперников не предвидится, он осмелел.

Подоспевший барон пригласил гостей отобедать и, подхватив под руку Долли, отправился к одному из крайних столов. Лаврентий издали наблюдал за Опекушиной, собравшей вокруг себя своих питомиц. Увидев, к какому столу направилась почтенная дама, Островский поспешил туда же, помог девушкам отодвинуть скамьи, заменявшие на этом летнем обеде стулья, и вскользь заметил:

– Как здесь всё мило и романтично! Мне приходилось видеть подобное убранство лишь в Петергофе, когда на именины вдовствующей императрицы накрывали столы в тамошних садах.

Опекушина расцвела улыбкой и признала:

– Наши барышни целую неделю старались – делали украшения, а вчера составляли букеты.

Затейный разговор помог Островскому получить желаемое: добрейшая Марья Ивановна пригласила любезного молодого соседа за свой стол.

– Вы позволите мне сесть подле вас? – галантно спросил Островский тринадцатилетнюю Ольгу.

– Пожалуйста, – смутилась та, но потом подняла на соседа большие, чуть раскосые тёмно-серые глаза и радостно выпалила: – Вы знаете, как мы сохранили букеты свежими?

– Не могу догадаться, – подыграл ей Лаврентий.

– Мы убрали их в погреб, окутав мокрыми тряпками...

– Замечательная мысль, я никогда о таком не слышал! –

восхитился Островский.

Он почувствовал, что нащупал нужный тон, и теперь взахлеб рассуждал о цветах, букетах, об украшении дома и о блюдах, которые им подавали. Лаврентий так всем восхищался, что к концу обеда бесхитростная Марья Ивановна прониклась к новому знакомому полнейшим доверием. Да и как могло быть иначе, коли умница сосед во всём разделял её мнение?

Наконец гости отобедали, и Островский помог барышням выйти из-за стола. Он ликовал. С Опекушиной всё получилось на удивление просто: с десятков комплиментов – и дело в шляпе. Значит, пришла пора заняться крёстным Долли. Соврав что-то Марье Ивановне, Лаврентий откланялся и поспешил к барону. Тальзит с видом мученика стоял на краю поляны, на его локтях с двух сторон повисли Мари и Натали.

– Можно мы тоже пойдём посмотреть на гулянья? – в два голоса просили они.

Стайка молодежи во главе с Михаилом Епанчиным уже собралась рядом с калиткой, выходявшей на тропу, ведущую к Троицкому. Всё нетерпеливо переглядывались, поджидая отставших.

– Идите, только не разбегайтесь – держитесь вместе. Долли будет у вас за старшего, – наконец разрешил барон.

– Крёстный, я не могу быть старшим: во-первых, я не мужчина, а барышня, во-вторых, Миша старше меня на три года. Но за девочками я присмотрю, это я умею, – отшутилась Долли и пошла к остальным, уводя за собой подруг.

– Какой логический ум прячется в этой прекрасной головке! – восхитился барон, потом вспомнил об Островском, почтительно ожидавшем его внимания, и спросил: – А вы, сударь, что предпочитаете: пойти с молодежью на гулянья или провести время за картами?

– Если вы возьмёте меня в компанию, я с удовольствием поиграю.

– Милости прошу. У нас несколько столов: мы жуем пикет и бостон, – объяснил Тальзит и, воодушевившись, воскликнул: – Очень рекомендую напитки! Таких настоек, как у меня, вы ни у кого не найдете!

Игроки уже заняли места. Жарко обсуждались ставки. Наконец, уговорившись, что играть станут по копейке, приступили.

– Не угодно ли, сударь, перебраться со мною в пикет? – предложил барон, усаживаясь за единственный свободный стол.

– С удовольствием! – Лаврентий искренне обрадовался. Он играл в эту старинную игру в ранней юности и подробно помнил смутно, но это было даже к лучшему. Если гость проиграет, хозяин дома придёт в хорошее расположение духа.

Тальзит позвал слугу, велел подать две стопки водки, а гостю сказал:

– Рекомендую анисовую!.. Скажу без ложной скромности: такую вы нигде не найдете.

Лаврентий взял принесённую слугой стопку. Александр Николаевич с интересом ожидал, пока гость выпьет.

– Бесподобно! – восхитился Островский. Водка и впрямь оказалась очень мягкой и приятной на вкус. – Замечательный аромат, да и пьётся легко.

Лаврентий уже успел заметить, что все гости в зале налегали именно на анисовую, от мужей не отставали и дамы.

Барон раздал карты, и игра началась. Лаврентий быстро вспомнил приёмы, которым в юности научил его отец, и тут же стал выигрывать.

– Да вы молодчина, – похвалил барон, – давно я не играл с равным противником.

Игра увлекла обоих. Начав её, чтобы угодить хозяину дома, Лаврентий, что называется, «закусил», но, хотя он сначала и выигрывал, Тальзит постепенно взял реванш и обыграл гостя. Признав своё поражение и отдав рубль с копейками счастливому триумфатору, Островский вспомнил о главном и осведомился, не опасно ли молодёжи гулять так поздно.

– Да, голубчик, вы правы. Уже темнеет, но там сейчас самое веселье: костры жгут, – отозвался барон, впервые за два часа вспомнив о своих подопечных. – Долли – девушка ра-

зумная и всех держит в узде, но, может, вы сходите в деревню? Мальчики, если хотят, пусть остаются, а девочек нужно вернуть сюда.

– Не беспокойтесь, я приведу всех!

Лаврентий отправился на поиски. Яркие всполохи костров указали ему путь. Островский прошагал по утоптанной дороге вдоль парка и скоро оказался на месте гулянья. Полупустые столы выстроились большим кольцом вокруг догорающего костра. По вертелам, укреплённым над угольями, Лаврентий догадался, что здесь жарили бычка и баранов. Лишь с десятков мужиков допивали пиво из пузатых тёмных бочонков, вся остальная публика собралась вокруг двух небольших, но ярко пылающих костров и подбадривала смельчаков, прыгавших через огонь.

Лаврентий заметил княжон и племянниц барона: барышни стояли рядом с Долли и дружно рукоплескали черноволосому Михаилу Епанчину – тот снял сюртук и собирался прыгнуть через пламя. Так же, как до него поступали деревенские, барчук разбежался и перелетел через костёр, но Епанчин не учёл того, что парни были стрижены «под горшок», а романтические кудри молодого помещика спускались до плеч. Пока Епанчин летел сквозь огонь, концы волос его вспыхнули и алым нимбом окружили голову. Все вокруг дружно ахнули, но сам Михаил не понял, что случилось. Долли опомнилась первой, она схватила с лавки сюртук приятеля и набросила ему на голову. Михаил замахал руками,

словно ветряная мельница.

– Ты что, Долли, с ума сошла? – обиженно спросил он. – Зачем ты так шутишь?

– Если бы не моя шутка, ты спалил бы не только волосы, но и лицо. Слава богу, что ты сам не обгорел, но перестригаться тебе всё равно придется, – объяснила княжна.

Лаврентий удивился её самообладанию. Вся молодёжь до сих пор стояла в оцепенении, а Долли не моргнув глазом спасла парню лицо. Сильный характер, с такими людьми не просто. В памяти всплыли чёрные глаза Иларии, и Лаврентия опять потянуло назад в сладкое привычное болото. Напомнив себе, что решение принято, он подошёл к Долли и, кашлянув, привлёк её внимание.

– Дарья Николаевна, ваш крёстный волнуется и прислал меня сюда, чтобы забрать молодых дам обратно. Мужчины, если хотят, могут остаться.

Островский специально назвал собравшихся здесь недорослей мужчинами, чтобы польстить их самолюбию и избежать споров. Он рассчитал верно: все молодые люди послушно засобирались домой. Громко обсуждая деревенский праздник, компания двинулась обратно. Долли шла последней. Лаврентий присоединился к ней. Пытаясь разузнать, не видит ли княжна себя в роли будущей супруги злополучного Епанчина, начал разговор:

– Примите моё восхищение, мадемуазель. Я старше вас, но растерялся, а вы спасли юноше лицо. Когда-нибудь его

жена поблагодарит вас.

Долли бесхитростно объявила:

– Если придётся гулять на Мишиной свадьбе, обязательно напомним про этот случай и потребую назвать первую дочь моим именем.

Княжна расхохоталась, и её звонкий смех, искренний, лишённый всякого жеманства, восхитил Островского. Его потянуло к этой яркой, как огонь, молодой красавице. Прочь сомнения! Он всё сделал правильно, и его выбор – безупречен, а с Иларией дело тоже как-нибудь уладится.

Старшее поколение уже собралось уезжать, и экипажи выстроились, заняв часть липовой аллеи. Лаврентий поблагодарил барона за гостеприимство и предложил Марье Ивановне проводить её с подопечными до дома. Опекушина с радостью согласилась.

Пока ехали, Лиза и Ольга задремали, а Долли, склонившись к Опекушиной, тихо рассказывала о том, что случилось во время гулянья. У мраморного крыльца ратмановского дома Лаврентий помог дамам выйти из экипажа, поцеловал руку Марье Ивановне и попросил разрешения прибыть с визитом завтра.

– Конечно, приезжайте! Будем рады вас видеть, – пригласила старушка. Островский проявил себя воспитанным и деликатным молодым человеком и произвёл на неё самое приятное впечатление.

«Браво!» – мысленно поздравил себя Лаврентий. Всё вы-

шло как по писаному. Пришла пора заняться самым главным.

Глава девятая. Печальные новости

«Главное ты угадала верно» – такими словами закончила своё письмо Полина.

Вот только Орлова с радостью отказалась бы от подобных лавров. Сейчас ей хотелось плакать: одно дело – игра разума, а другое – реальная жизнь. Как и предполагала фрейлина, всех пропавших девушек нашли закопанными в конце заброшенного сада на хуторе Иларии Островской. Полина сообщала, что, по мнению уездного исправника, на покойных отсутствовали видимые раны. Возможно, бедняжек отравили. Большого полицейский сказать не мог.

Часть письма Полина посвятила догадкам соседей-помещиков и бродящим по округе сплетням. Что-то здесь царапнуло Орлову, но что именно, она так и не поняла. Может, перечитать ещё разок те страницы, где кузина пересказывает слухи? Агата Андреевна разложила листы и выбрала нужный. Полина писала:

«Теперь все наши соседи оказались задним умом крепки, нынче они заявляют, что “замечали” и “подозревали”. Чего, например, стоит Эмилия Солдатова – ближайшая соседка Островских. Она хоть и не часто, но у них бывала. Так вот, Эмилия клянётся всеми святыми, будто хозяйка поместья уже давно не в себе. Много лет назад Солдатова впервые заметила на лице Иларии глупейшую улыбку, как у юродивой

на паперти. Островская могла замолчать во время разговора, задуматься, а то и просто сидеть с отсутствующим видом, не отвечая на вопросы. Солдатова утверждает, что во всем виновата покойная Марианна. Та была до жестокости строга: за малейшую провинность избивала и собственного сына, и младшую сестру. Солдатова даже как-то укорила соседку, что, мол, если ребёнка и можно наказывать, хотя и не такого маленького, но бить девушку-невесту никак нельзя. Марианна тогда злобно ответила, что порядок одинаков для всех, а наказание – лучший учитель.

Остальные соседи теперь поддакивают Солдатовой, но дальше всех пошёл Порфирий Буланов. Он отставной воюка – похабник первостатейный, так вот, Порфирий заявил, что однажды застал Иларию за непотребным делом вместе со служанкой Анфисой. Про эту здоровенную бабу все, оказывается, премного наслышаны. Анфиса – бездетная вдова уездного мещанина Чулкова, и о ней давно ходили упорные слухи, будто бы до женищин чересчур охоча. Анфиса прежде у купчих служила, да увольнялась всегда не похорошему, говорят, что раза три, а может, четыре её хозяйева даже крепко били. Так что рассказ Буланова похож на правду. Передаю тебе всё так, как он мне изложил.

Порфирий приехал к Островским поговорить насчёт луга – в уезде поползли слухи, что Валерьян угодье продаёт. Буланов оставил коня у крыльца и вошёл в дом. Слуг в прихожей не было, и Порфирий сам отправился искать хо-

заяв. Комнаты в доме Островских выстроены анфиладой, и незваный гость издалека заметил Иларию. Та стояла к нему спиной в дверном проеме, уперев руки в косяки, как будто распятая. Буланов удивился, но не стал её окликать, а подошёл ближе. Звуки, которые он услышал, не оставили сомнений в том, что происходит с женщиной. Тогда Порфирий окликнул её. Илария ахнула и быстро повернулась, а из-под её юбки выскочила та самая Анфиса, сверкнула на непрошеного гостя своими белёсыми глазами и бросилась наутёк. Буланов, как ты понимаешь, расписывает всё это непотребство с особым смаком, просто уши вянут, но ради тебя пришлось выслушать.

Выводы я делаю такие: Илария не может быть любовницей своего пасынка, поскольку состоит в связи со своей служанкой, к тому же у мачехи Островского не всё в порядке с головой, а Лаврентий – человек молодой и здоровый, и у него имеются определённые потребности. Поскольку отец сделал его нищим, жениться Лаврентий не может. На хуторе вместе с ним живут две женщины, которые ублажают не его, а друг друга. Вот и получается, что нутро у Лаврентия потребовало женщину, а взять негде.

К таким же выводам пришёл и наш уездный исправник. Он сейчас готовит рапорт своему начальству. Отпишет как положено в губернию, тамошние чиновники в столицу передадут, так что найдут мерзавца Островского и повесят, где бы он ни прятался.

Кстати, новые хозяева имения передали исправнику найденную в доме миниатюру. Мы о ней с капитаном долго спорили. Мне кажется, что это – покойная Марианна, а исправник говорит – Илария: мол, сам её неоднократно видел. Как глупы бывают мужчины, они ничего не понимают в нарядах. Впрочем, исправник не стал со мной пререкаться, сказал, что дело закрыто, а портрет ему больше не нужен.

Посылаю миниатюру тебе. Может, ты найдёшь в лице матери какие-то признаки той душевной болезни, которая заставила сына совершать злодеяния. Я уверена, что только больной человек мог решиться на столь ужасные преступления».

На этом листок заканчивался, но Орлова не стала брать следующий, а пододвинула к себе вынутую из рамы пластинку слоновой кости с портретом молодой черноглазой дамы с пышными ярко-рыжими волосами. Полина оказалась права: изображённое на портрете шёлковое платье с узкой талией вышло из моды ещё в прошлом веке, так что нарисованная дама была Марианной. Фрейлина вгляделась в её лицо. Никаких признаков безумия не проглядывало, наоборот, женщина на портрете казалась живой – её глаза просто притягивали к себе. Агата Андреевна вытянула руку с миниатюрой и стала водить ею из стороны в сторону, но женщина на портрете с любого места по-прежнему смотрела Орловой прямо в глаза.

– Чертовщина какая-то! – Фрейлина отшвырнула миниатюру.

тюру.

Права ли кузина? Возможно, что и так, но никогда нельзя спешить с выводами. Не всё, что лежит на поверхности, обязательно оказывается правдой. Роли можно разыграть, доказательства подделать. Письмо Полины не давало главного – мотива. Хотя что-то в этом послании мелькнуло: смутная мысль, намёк, какая-то тень, но это «ничто» сегодня в руки так и не далось. Дай-то бог, чтобы хоть потом всплыло.

Агата Андреевна сложила листы письма по порядку, свернула их конвертом, пристроила внутрь миниатюру и засунула всё это в ящик стола. Пора собираться на службу! Скоро вдовствующая императрица отобедает в малой столовой и перейдёт в салон вместе с приглашенными дамами. Орловой полагалось там присутствовать. Собралась Агата Андреевна за минуту: проверила шпильки в причёске и приколотла к плечу шифр с вензелем императрицы. Еще три минуты заняла дорога от фрейлинских комнат до покоев Марии Федоровны. Ни самой императрицы-матери, ни её гостей в салоне пока не было. Орлова заняла привычное место в кресле у окна и снова вернулась мыслями к страшному делу.

«Положим, что исправник уже отправил свой отчёт в губернию. Там, конечно же, должны отписать в столицу. Только вот вопрос: сделают ли? Идёт война, всем, по большому счёту, не до тыловых проблем. Какой-нибудь чиновник или даже сам губернатор сочтёт дело не столь важным и отложит его в долгий ящик. Будут ли искать Островского? Возможно,

да, а может, и нет... К тому же сам преступник наверняка не знает, что в Курляндии его дела раскрыты, подстёгиваемый безнаказанностью он оглядится на новом месте и возьмётся за старое», – с горечью размышляла Агата Андреевна.

Она догадывалась, что человек, преступивший запретную грань и получивший от этого наслаждение, будет вновь и вновь творить подобное, пока его не поймают. Но только как остановить это чудовище, если неизвестно, где его искать. Юг России большой. Как же узнать, куда подались Островские?

Звук шагов и оживлённый разговор возвестили о приходе императрицы и её гостей. Агата Андреевна и вторая дежурная фрейлина – княжна Гагарина – поднялись со своих мест, приветствуя императрицу. Мария Федоровна, как видно, пребывала в хорошем расположении духа – под пышным каштановым париком её похудевшее за время войны лицо казалось совсем молодым, а голубые глаза ярко блестели.

– Ну что, играем? – обратилась она к своим спутницам.

Гостей сегодня оказалось мало: лишь графиня Кочубей и княгиня Гагарина – мать той самой молоденькой фрейлины, которая дежурила вместе с Орловой.

– Агата, садитесь с нами, – распорядилась Мария Федоровна, – играем в вист.

Императрица заняла место за покрытым гобеленовой скатертью круглым столом и, достав из шкатулки новую колоду, протянула её Орловой:

– Сдавайте...

Фрейлина распечатала атласный футляр и сдала карты. Все мысли Орловой занимало курляндское дело, поэтому играла она механически, но при этом умудрилась выиграть. Впрочем, у Марии Федоровны всегда ставили «по маленькой», больших кушей не срывали, но и теряли немного. Играли более двух часов, и государыня явно устала: из глаз её исчезла живость, а на щёки легла серая тень.

– Давайте заканчивать, – наконец решила Мария Фёдоровна.

Гости стали прощаться, императрица отпустила их, а потом предложила Орловой:

– Идите и вы, Агата, меня Жюли проводит.

Мария Фёдоровна кивнула княжне Гагариной и двинулась к спальне, а Орлова отправилась к себе. К собственному удивлению, она заметила в соседнем зале женский силуэт. Тот чётко выделялся на фоне окна. Присмотревшись, Агата Андреевна поняла, что, прижавшись лбом к стеклу, между складками вишнёвых гардин застыла её недавняя партнёрша по картам Мари Кочубей – супруга члена Государственного совета, а в недавнем прошлом и министра внутренних дел. Графиня Кочубей фрейлине всегда нравилась. Они были почти ровесницами, обе хорошо разбирались в людях и ценили в них доброту, ум и такт. С чего это вдруг Кочубей осталась во дворце? Может быть, что-то случилось? Агата Андреевна спросила:

– Вам помочь, Мари?

– Нет, благодарю, – оглянувшись, сказала Кочубей. – Я жду мужа. Виктор поехал на заседание Государственного совета, а оттуда должен заехать за мной. Наш экипаж приметный, увидев его, я сразу спущусь.

Графиня говорила не просто о муже, а о человеке очень влиятельном. В Государственном совете Кочубей возглавлял Департамент по гражданским и духовным делам и все доклады об опасных ересьях, о сектах, практикующих насилие, о чудовищных преступлениях безумных преступников Министерство внутренних дел переправляло именно к нему. Если считать курляндского убийцу безумцем (а, скорее всего, это так и есть), то рапорт Полининого исправника тоже придёт в департамент Кочубея. Так, может, поторопить события? Орлова заколебалась, но случай казался таким удобным, упускать его не хотелось, и она решилась:

– Мари, не сочтет ли меня Виктор Павлович слишком навязчивой, если я попрошу его о содействии. Мне очень нужно знать, где получил наследство (а это – какое-то имение) один дворянин. В другой раз я не решилась бы побеспокоить вашего супруга, но дело связано с благополучием моих родных.

Графиня любезно пообещала:

– Не беспокойтесь Агата! Конечно, Виктор поможет. В Министерстве внутренних дел ещё помнят своего прежнего министра... Вам нужен официальный ответ?

– Нет, мне достаточно названия губернии и уезда, где поселился этот дворянин, и фамилии местного предводителя дворянства.

– Ну, так сами скажите Виктору, кого нужно искать, – предложила Кочубей, кивком указав на появившуюся у главного подъезда карету.

Орлова заколебалась. Видно, придётся выложить графу всю правду об этой истории. Но как объяснять гадание? Услышав о картах Таро, Кочубей сочтёт фрейлину Орлову несерьёзной фантазёркой. К счастью, Мари сама подсказала выход:

– Можете сказать мне, а я передам мужу. Хотите?

– Наверное, так будет лучше всего, – обрадовалась Агата Андреевна. – Я ищу человека, получившего наследство где-то в южных губерниях. Его зовут Лаврентий Островский. Он – офицер, покинувший армию из-за ранения. Прежде жил в Курляндии.

– Хорошо, я запомнила, – сказала графиня и распрощалась.

Орлова поднялась к себе и достала злополучное письмо. Фрейлина вновь перечитала его, но ничего нового не нашла. Злость на безмозглых курляндских помещиков охватила Агату Андреевну. Ну надо же, и всё-то они знают – кто с кем живёт, кто безумен, а кто нет, но никому и в голову не пришло поинтересоваться, где получил наследство Лаврентий Островский!.. Впрочем, преступник, чтобы замести

следы, скорее всего, никому ничего не сказал.

«Так, может, и нет никакого наследства?» – вдруг испугалась Орлова.

Если это так, то невинные жертвы могут появиться в любом уголке страны. Агата Андреевна похолодела. Неужто ничего нельзя сделать? Заныло сердце, мелко задрожало веко...

– Прекрати! – приказала себе Орлова.

Окрик помог, к фрейлине вернулась способность рассуждать. Зачем думать о плохом, зачем притягивать зло? Вот если от Кочубея придёт ответ, что Островский наследства не получал, тогда и нужно будет думать, что делать дальше.

Орлова так и не смогла уснуть – проворочалась до рассвета. Та же участь постигла её и на следующую ночь.

«Этак и ноги протянуть можно, тогда никакие письма уже не понадобятся, – попеняла она самой себе, разглядывая темные круги под глазами. – Но что же теперь делать?»

Ответ на свой вопрос фрейлина получила почти сразу – от Мари Кочубей принесли долгожданную записку:

«Дорогая Агата! Я выполнила ваше поручение. Лаврентий Островский унаследовал село Афанасьево в южнорусской губернии».

Под изящной подписью графини имелся постскрипtum с названием уезда и именем местного предводителя дворянства.

Глава десятая. Жертва игры

Оказывается, уездная жизнь имеет существенные ограничения – всем здесь правит погода. Это открытие Островский сделал в середине ноября, когда зарядили дожди и прогулки верхом пришлось прекратить. Лаврентий рвал и метал, глядя на то, как рушится его драгоценный план. За те шесть недель, что прошли с памятного праздника в Троицком, он сумел сделать главное: переселил мачеху в уездный город. Пообещав, что разлука долго не продлится, а он решит все денежные вопросы, Лаврентий убедит Иларию временно помалкивать об их родстве. В Ратманове тем временем всё складывалось просто великолепно. Рецепт оказался на удивление прост: нащупав слабости каждой из хозяек, Островский стал на них играть. Набожной Марье Ивановне он подарил чётки из ливанского кедра и с тех пор часто беседовал со старушкой о пользе праведной жизни. Однажды даже признался, какое просветление наступает у него в душе на Страстной неделе.

– Это не передать словами! Как будто я сбрасываю с плеч тяжкий груз, – вдохновенно врал Островский. А простушка Опекушина всё принимала за чистую монету и считала молодого соседа истинным праведником.

Юная Ольга попала в силки ещё проще: хватило маленького живого подарка. Островский привёз барышне най-

денного на конюшне крошечного чёрно-белого котика, и теперь постоянно обсуждал с Ольгой, как растёт «прелестный Пушок». Надо ли говорить, что младшая из княжон считала Лаврентия добрейшим и благороднейшим человеком.

С Долли помог случай: Островский подслушал сетования Марьи Ивановны, что её питомица слишком уж увлеклась лошадьми. В тот же день Лаврентий поделился с Долли «своей мечтой построить в Афанасьеве конезавод». С первых же слов он понял, что попал в точку. Теперь Долли с восторгом обсуждала с соседом предмет их общего увлечения, списывала для него рекомендации из книг, даже пыталась просчитать план вложений, необходимых для создания маленького, но прибыльного конезавода. Княжна ждала визитов Лаврентия, и стало понятно, что ещё чуть-чуть, ещё одно усилие – и капкан захлопнется.

«Давай, рыбка, ловись, милая, – мысленно подгонял свою жертву Островский, – хватит ходить вокруг да около».

Впрочем, в этой бочке мёда имелась и своя ложка дёгтя: всю картину портила Лиза. Она сторонилась Лаврентия, и он всё никак не мог понять почему. Когда же он попытался расспросить об этом Долли, девушка замкнулась и перевела разговор на другую тему. Изрядно помучившись с грустной белокурой княжной, Островский отступился.

«Я собираюсь жениться на Долли, а на её сестру мне плевать, – вполне резонно рассудил он. – Гораздо важнее то, что я еще ни разу не поцеловал будущую невесту».

Как ни прискорбно, здесь Лаврентий совсем не преуспел – Долли всё время ускользала, не давала возможности перейти к более нежным изъявлениям чувств. Попытки остаться с ней наедине не увенчались успехом – княжну всё время сторожили либо сёстры, либо подруги. Единственной надеждой оставались прогулки верхом, но Долли так носилась на своём Лисе, что Островскому приходилось её догонять, а во время кратких остановок княжна не слезала с коня. Лаврентий подозревал, что в Долли есть потаённая страстность, надо только разбудить это чувство и барышня уже никуда не денется – попадёт в ловушку. Но как только пришло время действовать, так зарядили дожди. Казалось, что небеса прохудились. Дни шли за днями, а дождь всё не прекращался. Миновала целая неделя, а Островский так и не смог выбраться в Ратманово.

«Не дай бог, всё сорвется, – терзался он. – Я не могу себе позволить потерять эти деньги!»

Лаврентий отодвинул гардину на окне. Увиденное за стеклом угнетало: сквозь пелену дождя барский двор казался размытым серым пятном. Конюшня и сараи давно требовали ремонта, их когда-то добротные железные крыши совсем прохудились, забор и ворота тоже нуждались в починке. Да и в доме жилой оставалась лишь центральная часть, а оба боковых флигеля являли собой печальное зрелище прогнивших полов, текущих потолков и плесневелых стен. Деньги... Как не хватало денег!

Лаврентий задумал сыграть на самолюбии Долли – показать ей всю эту разруху и, изобразив восхищение умом и жизненной хваткой княжны, спросить совета. Долли должна была клюнуть – женщины всегда покупаются на лесть... Ну почему эти дожди пошли так не ко времени?! Островский в раздражении хлопнул кулаком по раме, и ветхая замазка отвалилась, упав ему под ноги, а одно из стёкол начало сползать из своего гнезда вниз.

Выругавшись, Лаврентий подхватил падающее стекло. Что за чёрт? Всё в доме рассыпалось на глазах. Островский прижал стекло, стараясь вновь закрепить его, но поневоле отвлёкся: за окном вдруг началась подозрительная суета. Во двор въезжала ямская карета.

«Боже мой, только не Илария!» – ужаснулся Лаврентий.

Но его наихудшие предчувствия сбылись. Карета остановилась, и из неё вышла мачеха. За ней вылезла Анфиса и небрежно, словно куль, вытащила женщину в чёрной душегрейке. Лицо незнакомки было замотано платком чуть ли не до бровей.

– Дорогой, мы привезли сюда эту святую странницу, потому что по дороге на богомолье несчастная заболела, – громко, так чтобы слышал ямщик, сказала Илария и уже тише добавила, обращаясь Лаврентию: – Понял?

Женщины подхватили больную под мышки и потащили в дом – идти сама несчастная не могла, носки её грубых ботинок прочертили свежие борозды в раскисшей от дождя

земле. Лаврентий расплатился с ямщиком и поспешил вслед за мачехой. Он подозревал, что его наполеоновским планам пришёл конец, но до последнего надеялся на лучшее.

Женщин он нашел в спальне Иларии. Мачеха склонилась над лежащей на кровати больной, Анфиса держала в руках платок и чёрную душегрейку. Лаврентий кашлянул, привлекая внимание мачехи. Та обернулась и расцвела улыбкой.

– Мой дорогой, я привезла тебе подарок, дарю тебе последнюю розу.

Илария извлекла из висящего на запястье ридикюля чуть приоткрывший лепестки тёмно-красный бутон и протянула его Островскому.

– Я всегда буду дарить тебе цветы, – пообещала мачеха. Глаза её сияли, а нежный румянец явно молодил. – Я так счастлива за нас, Малыш.

Прозвище из далекой юности в столь неподходящей ситуации больно резануло слух, и Лаврентий оттолкнул розу.

– Да, любимый, ты, как всегда, прав, – как будто бы не поняв его, согласилась Илария, – нужно сразу сделать с цветком то, что положено.

Она склонилась к мнимой больной. На постели, смежив веки, лежала совсем молодая девушка с толстой русой косой. Илария вколола цветок в пряди около виска.

– Что ты сделала с этой девчонкой? – спросил Островский.

– Ничего... Моя настойка безотказна... Сейчас нашей го-

стые снятся прекрасные сны, а когда она проснётся, мы поиграем, – отозвалась Илария. Она окликнула Анфису и приказала: – Найди бездельников, считающих себя здешней прислугой, и вели растопить баню.

Служанка вышла, а Лаврентий занял её место у кровати и с любопытством уставился на спящую девушку. Та казалась хорошенькой. Милое личико в форме сердечка, хрупкая фигурка.

– Кто это? – поинтересовался Островский, перестав злиться. К чему устраивать склоки, когда ему привезли новую самку?

– Я же говорила, что нам нужны садовые цветы, – напомнила Илария. – Девчонка – дочка хоть и деревенского, но учителя. Вместе с сестрой приехала в город. Пока старшая из них торговалась с приказчиком в лавке, младшая, глаза по сторонам, стояла на улице. А мы с Анфисой как раз проходили мимо. Я сразу чувствую, когда девице стукнуло пятнадцать, её выдает прелестный, ещё чистый, но уже зовущий запах. Я просто опьянела от этого аромата и поняла, что девочку послала нам судьба. Мы сказали ротозейке, что ищем компаньонку – чтицу на очень хорошее жалованье. Девчонка обрадовалась такому шансу и без страха пошла с нами. Дальше всё оказалось совсем просто: я угостила её морсом с настойкой опия, и как только глупышка заснула, мы быстро собрали вещи и отправились домой.

– Так ты съехала с квартиры?

– Конечно! Прошло много времени, и ты, наверное, уже занял деньги. Мне ведь не нужно больше скрываться?.. Впрочем, я и так не поняла, зачем было прятать меня от кредиторов. – Илария глядела незамутнённым взором, и Лаврентий не смог распознать, говорит она искренне или издевается.

– Нет, я ещё не успел сделать того, что собирался, – ответил он. – Но ты понимаешь, как мы рискуем? Это тебе не хутор в Курляндии, здесь дворовые сразу на нас донесут.

– Что ты так волнуешься? Мы играли уже дважды, никто нас не видел. Чулан в бане – отличное место для нашей гостыи. Ты ведь сам в прошлый раз поставил на него крепкий засов.

Лаврентий вспомнил последнюю Игру. В тот раз жертва попала не слишком красивая, но это, как ни странно, не отразилось на полученном удовольствии, а с такой милашкой, как нынешняя девица, всё будет просто великолепно. Вожделение уже разогнало кровь Островского, его плоть затвердела. Поняв это, мачеха довольно хмыкнула:

– Я знала, что ты оценишь подарок. Этот цветочек расцвёл только для тебя.

Илария расстегнула голубое платье девушки и обнажила её грудь. Лаврентий сглотнул слюну и, не удержавшись, протянул к спящей руку. Он грубо смял один сосок, а потом и другой. Девушка слабо застонала.

– А что ещё у нас есть? – игриво спросил Островский.

– Всё для тебя, – промурлыкала Илария и задрала девушке юбки выше пояса.

Белый, как сметана, живот с треугольником тёмных волос так возбудил Лаврентия, что он сразу же раздвинул жертве ноги.

– Не спеши, Малыш! Я отдам эту куколку тебе, но не сегодня. Мы так давно не играли, мамочка тоже хочет ласки. – Илария перехватила руку пасынка. – Иди к себе – отдыхай, я потом за тобой зайду.

Поцеловав Лаврентия в губы, мачеха подтолкнула его к двери.

Он пошёл к себе, размышляя, почему поцелуи всех других женщин кажутся ему столь пресными и лишь губы Иларии опаляют. Мачеха зажигала в Островском такую страсть, что он даже заколебался. Не послать ли все планы к чёрту? Зачем жениться, если ему и так хорошо? Терзаясь сомнениями, Лаврентий ушёл в свою комнату, где, не снимая сапог, завалился на кровать и стал ждать заветного сигнала.

Не прошло и получаса, а в его комнату заглянула укутанная в тёплый капот Илария.

– Пойдем, Малыш, мамочка тебя порадует, – позвала она. Женщина обняла Лаврентия, прижалась к нему всем телом и так, бедром к бедру, повела через двор к приземистому рубленому домику – бане. К приходу хозяев в большом предбаннике так натопили, что дышать было нечем. Илария сбросила капот и осталась лишь в белых шёлковых чулках и

высоких чёрных ботинках.

– Малышу жарко, – промурлыкала она и потянула с Лаврентия плащ, – сейчас мамочка раздеет его.

Женщина знала, что делала, и столь простое действие, как раздевание, превратилось у неё в изысканную игру. Пальцы и губы Иларии оказывались там, где нужно, и Лаврентий купался в волнах терпкого изысканного наслаждения.

– Сейчас мамочка сделает своему Малышу очень приятно...

Губы женщины сомкнулись на мужской плоти, Лаврентий вздохнул, закрыл глаза и отдался сладостным ощущениям... Илария отстранилась именно в тот миг, когда Островскому уже показалось, что он не сможет остановиться. Но, оказывается, смог...

Мачеха обняла его и потащила к широкому сосновому столу. Она уселась на край столешницы и приказала:

– Теперь твой черёд.

Лаврентий опустился на колени и принялся медленно скатывать чулки, поглаживая обнажённые бедра женщины. Его пальцы проскальзывали между её ног. Вскоре Илария уже пылала, дыхание её прерывалось, а щёки цвели пунцовым румянцем. Пора!.. Лаврентий припал губами к влажному лону. Дрожь сотрясла тело Иларии, она закричала и... обмякла. Что ж, это было чудесной прелюдией, а теперь начиналось самое главное.

В дальней стене предбанника отворилась дверь, и из ма-

ленького чулана вышла голая Анфиса. Островский сглотнул слюну при виде её широких бедер и огромных арбузных грудей. Служанка подошла к столу и обратилась к хозяйке:

– Барыня, там дрянная девчонка за вами подглядывала!

Анфиса вернулась к чулану и вытащила оттуда испуганную девушку. Её уже полностью раздели, а руки связали в запястьях. Служанка грубо схватила пленницу за плечи и вытолкнула на середину комнаты.

– Ты что, подсматривала?! – воскликнула Илария. Она подошла к девушке и отвесила ей оплеуху. – Ты знаешь, что нельзя подсматривать за взрослыми, и сейчас будешь наказана!

Хозяйка кивнула служанке. Анфиса, схватив жертву, бросила её лицом вниз на скоблённые доски стола. Илария изо всех сил шлёпнула жертву по ягодицам. Явный отпечаток руки сразу же проявился на белой коже, а Илария впилась взглядом в глаза любовника. Она увидела то, чего добивалась, – отсвет наслаждения. Илария вновь ударила жертву, потом ещё и ещё.

Вождеделение охватило Островского. Все-таки Иларии нет равных! До чего же точно ведёт она свою партию: сейчас должна сказать заветную фразу.

– Ну что ж, если тебе нравится смотреть – то смотри! – провозгласила Илария, а сама, оседлав колени любовника, поймала нужный ритм. Под взглядом испуганных девичьих глаз совокупление показалось Островскому необычайно яр-

ким. Все его ощущения обострились.

– Вот видишь, дорогой, мамочка знала, что тебе понравится, – шепнула Илария, целуя его влажные плечи, и Лаврентию оставалось только признать, что она не ошиблась.

Впрочем, на сегодня обоим было уже достаточно. Хозяйка приказала Анфисе:

– Запри девку в чулан, кинь ей тулуп и накорми. Баню тоже запри, да смотри, чтобы никто из дворовых близко сюда не подходил. Гляди, отвечаешь головой!

Илария взяла пасынка под руку и потянула к выходу.

– Пойдём в дом, Малыш, пора ужинать, а завтра мы опять с тобой поиграем.

Служанка затащила жертву в чулан. Островский проводил тоненькую фигурку взглядом, но спорить с мачехой не стал – послушно двинулся к двери. Предвкушение ещё более острого, запретного наслаждения грело душу: целую неделю Лаврентий будет подниматься по ступеням удовольствия, и на седьмой день получит главный приз. Такому искушению Островский сопротивляться не мог.

Впервые это случилось с ним на хуторе, тогда Илария только затеяла Игру. Их жертвой стала молоденькая дочка учителя уездной гимназии. Ей было пятнадцать – тоненькая, с белой кожей и прозрачными светло-голубыми глазами. Каждый вечер Илария избивала девчонку, а потом заставляла смотреть на их совокупление. Это извращенное удовольствие захватило Лаврентия, а в конце недели случилось глав-

ное: Илария отдала жертву ему и сама удерживала девушку, пока Лаврентий её насиловал. Девчонка билась и кричала. Её ужас и мольбы возбуждали Островского, как ничто другое. Он сразу понял, что никогда уже не сможет отказаться от подобных радостей. Но Илария преподнесла ему сюрприз – отравила жертву.

– Я найду тебе новую, – пообещала мачеха, и слово своё сдержала.

Через месяц она вновь привела Лаврентия в баню, где их ждала нагая и связанная новая жертва. Той тоже едва исполнилось пятнадцать. Илария и сама вошла в раж – придумала целый ритуал. Она давала жертвам имена цветов, и теперь в воспоминаниях Лаврентия изнасилованные девчонки различались по крошечным букетикам в их волосах. Раз за разом хоронил Островский хрупкие тела в конце сада, а Илария с наслаждением высаживала на тайных могилах цветы.

Время давно перевалило за полночь. Мачеха мирно спала, а Лаврентий так и не сомкнул глаз. Он всё размышлял, решая, как же теперь поступить. Долли почти что попалась, но пригласить её в Афанасьево, как он собирался прежде, теперь уже не получится. Других идей пока не было. Так ничего и не придумав, Островский в очередной раз сдался на милость Иларии. Ничего страшного: они ещё разок «поиграют», а потом – всё! Лаврентий вновь отселит мачеху и уж тогда форсирует наступление на сердце и приданое княжны Долли.

Глава одиннадцатая.

Сафьяновый альбом

Долли скучала... Зарядивший на неделю дождь прервал поездки верхом и лишил её интересного собеседника, каким успел стать Островский. Как она удивилась, узнав, что сосед тоже бредит лошадыми и хочет устроить в своём имении конный завод. До этого все кавалеры лишь потешались над суждениями Долли о лошадях или – того хлеще – отвечали ей пошлыми сентенциями о домашнем очаге и женских добродетелях. Какими они казались мелкими и пресными и как княжна Черкасская их презирала!

– Господи, ну что за дураки! – жаловалась она тогда сёстрам.

Долли было невдомёк, что настоящих мужчин, кроме брата, она ещё и не видела, ведь все они ушли в армию, а оставшихся в уезде юношей волновало лишь собственное молодое «я».

Герой войны Островский на фоне зелёной молодежи казался коршуном, случайно залетевшим в стаю воробьев. Долли убеждала себя, что не влюблена в соседа, а лишь ценит в нём талант художника и конечно же увлечение лошадыми. Но сердце шептало другое: Долли с таким нетерпением ждала новых встреч с Островским, так радовалась

его присутствию. Она даже стала мечтать об объятиях этого красивого и опытного мужчины, и лишь железные правила, намертво вбитые в головы внучек неумолимой Анастасией Илларионовной, мешали княжне пуститься в какую-нибудь авантюру. Долли очень хотела, чтобы красавец сосед ухаживал за ней по-настоящему, и, если б до этого дошло, не задумываясь, приняла бы его предложение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.